

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр Зорич

Цикл
«Завтра-война»
продолжается!

НА КОРАБЛЕ
ПОЛДЕНЬ

Александр Зорич
На корабле полдень
Серия «Завтра война», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18935653
На корабле полдень / Александр Зорич: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63468-2

Аннотация

Продолжение легендарного цикла «Завтра – война»!

Российская Директория распространила свое влияние на всю Галактику. На планете Грозный, которая находится под контролем России, проводится массовая насильственная депортация гражданского населения, вывоз материальных ценностей и отлов редких разновидностей дикой фауны. По оперативным данным Глобального Агентства Безопасности, эта акция проводится специальной командой под кодовым наименованием «Весна». Разобраться в происходящем поручено майору ГАБ Александре Железновой. Задача непростая. Ведь мир в Галактике висит даже не на волоске, на – паутинке! В ее распоряжении считанные дни до того, как боевые корабли расы ягну распылят злополучную планету на атомы...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	47
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	77
Глава 10	85
Глава 11	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Александр Зорич

На корабле полдень

*Военно-космическим силам России
посвящая эту книгу*

Часть первая

Железнова

Глава 1

Иванов и Александра

Май 2622 г.

Авианосец «Римуш»

Орбита планеты Грозный, система Секунда

На трофейном авианосце «Римуш» было, как всегда, бес-покойно и шумно.

К счастью, через необъятную витрину бронированного стеклопакета ГКП шума не было слышно вовсе. Товарищ Александра Браун-Железнова, нехрупкая шатенка с пронзи-тельным взглядом, застыла на капитанском мостике, по-на-

полеоновски скрестив руки на груди.

Она думала о том, что, будь она внизу, на ангарной палубе, от тамошнего шума у нее непременно разыгралась бы мигрень...

Когда товарищ Иванов, специальный уполномоченный Совета Оборона, тронул Александру за плечо, та вздрогнула от неожиданности.

– Ну здравствуй, Саша, – он протянул для приветствия свою широкую шершавую ладонь.

– Здравствуйте, товарищ Иванов, – щеки у Александры покраснели от волнения. – С прибытием! Как там внизу?

– Лучше, чем мы думали, – с таинственной усмешкой сурового, но справедливого божества отвечал Иванов. – Мне удалось поговорить с ягну. Нам дадут шестнадцать танкеров люксогена и трое суток на эвакуацию Грозного.

– Ягну дадут? – Александра грозно сдвинула брови. Чувствовалось, что, будь ее воля, все корабли непрошенных гостей были бы вмиг распылены на кварки.

– Ягну, а кто же еще, – энергично кивнул Иванов. – Не забывай, что хотя наши «Дюрандали» и всыпали им по первое число, эти монстры по-прежнему сохраняют подавляющее превосходство в крупных кораблях. Достигнутый мир висит даже не на волоске, на паутинке... Стоит этой паутинке оборваться – и на наш флот обрушатся неотразимые удары позитронных лазеров с борта астрофагов.

Товарищ Александра отреагировала на слова начальника

тяжелым вздохом – как именно будут выглядеть «неотразимые удары», она хорошо представляла себе по трофейной конкордианской видеосъемке.

– Так, а что там с люксогеном вы сказали? – спросила она после цементно-серой паузы.

– Его будет хоть залейся. По крайней мере хватит для вторжения в Конкордию. Осталось только договориться с ягну, где и когда наши танкеры смогут его принять. И между прочим это непростая задача. Которая, тут должны прогреть подогревающие ожидание фанфары, ложится на плечи товарища Браун-Железновой... То есть на твои, – Иванов подмигнул.

– Благодарю за оказанное доверие, товарищ Иванов, – отчеканила Александра. – Я так понимаю, переговорные дела я получу от этого деятельного чудака... мнэ-э... Йозефа Цирле?

– Верно! И вообще я хотел бы передать всю дипломатическую часть по ягну в твоё ведение!

Александра вздрогнула. Ко «всей дипломатической части» она была явно не готова.

– Товарищ Иванов, но я ведь никудышный дипломат! За глаза про меня частенько говорят, что в делах я слишком давлю... И что я... излишне прагматична... Рву, дескать, людей как бумагу.

– При сложившемся раскладе это все скорее достоинства, – Иванов лукаво прищурился. – Романтик Цирле, по

моему мнению, слишком склонен упиваться научно-исследовательской стороной нашего общения с этими... существами. Конечно, под его руководством мы, возможно, научимся играть в ягнскую лапту, а также гнать ягнский самогон... Но будет ли эта лапта с самогоном служить интересам России – большой вопрос.

Внезапно на мостик быстрым шагом вошел капитан третьего ранга Жагров.

– Товарищ полковник ГБ, свежая разведсводка! – С этими словами офицер протянул Иванову штабной планшет.

– Разрешите идти, товарищ Иванов? – осведомилась Александра.

– Иди, – Иванов скользнул переутомленным взглядом по планшету. – Впрочем, нет, постой-ка... Вот послушай, что пишут! «Пленный майор Сефарди показал, что помимо насильственного вывоза гражданского населения и материальных ценностей во второй половине марта был начат планомерный отлов дикой фауны планеты Грозный. Усилия специальной команды «Весна» фокусировались на южном полушарии Грозного, в первую очередь на архипелаге Буровского. В общей сложности совершено двадцать два рейса военно-транспортных флуггеров «Сэнмурв», которые вывезли с архипелага Буровского представителей полутора сотен биологических видов...»

Александра смотрела на товарища Иванова в немом изум-

лении. В ее спокойном взгляде закоренелого практика читалась простая мысль: «Какая отпетая чушь попадает иногда в разведсводки!»

Но Иванов продемонстрировал неожиданную вовлеченность.

– Как тебе это нравится? – спросил он.

– Честно говоря, это абсурд, – процедила Александра. – Совершенно не понимаю, зачем они тратили топливо и человеческие ресурсы на каких-нибудь там червяков или уток... И это в те дни, когда на Восемьсот Первом парсеке гремело решающее сражение кампании! Впрочем, постойте-ка... Там написано «спецкоманда «Весна»?»

– Точно так.

– Это мои старые знакомцы! «Весна» базируется на Ардвисуре! А Ардвисура – это Первое Предприятие по Пробуждению Разума у Благих Животных! Они и наотарскими василисками занимались, и черт знает какими еще чудо-юдами... Была даже дезинформация: простейших акселерировали... Наши коллеги-немцы называли это в шутку «ваффен энзимен»...

– Так-так-так... – протянул Иванов, обстоятельно поглаживая свою внушительную лысину-космодром. – Выходит, клоны решили, что на архипелаге Буровского самые подходящие для акселерации животные?

– Такой вывод напрашивается.

– Тогда поставим вопрос ребром: а что там, на архипелаге

Буровского, за животные?

– Я не знаю. Надо уточнять у специалистов. У меня есть толковый помощник, Эдик... Поручу ему все разузнать...

Иванов неожиданно побагровел и почти выкрикнул:

– Пока твой Эдик будет «разузнавать», ягну подожгут Секунду и спалят архипелаг Буровского вместе со всей планетой! А мы завтра получим этих ваффен энзимен прямо в водопроводную воду Подмосковья! Как это уже было в начале войны!

И, моментально овладев собой, он продолжил:

– Сделаем иначе. Пригоним на архипелаг транспорт и вывезем каждой твари по паре... ну или по несколько пар! Чай, не глупее клонов – выберем, кто поинтересней с точки зрения акселерации.

– Но специалисты...

– Вот именно! Нам понадобятся специалисты, которых ты мне, вот прямо не сходя с этого места, обеспечишь!

Александра притихла, лихорадочно извлекая из сокровищниц памяти драгоценные фамилии ученых, с которыми она консультировалась, когда занималась темой «Бестиарий», посвященной акселерированным василискам.

– Сразу могу предложить профессора Захарию Николауса из Кипрского Института Моря... Или вот замечательного ниппонского специалиста Накамуру... Он, между прочим, на Нобелевскую премию номинировался за открытие у кальмаров способности к хронологическим вычислениям и тек-

стогенерации.

Реакция Иванова была решительной:

– Чудно. Давай их сюда! Сию же минуту!

Прошло полчаса.

За это время товарищ специальный уполномоченный успел высербать ложечкой две чашки крепкого черного чая с черничным вареньем (в третьей как раз набирал силу водоворот чаинок и ягод). А товарищ Александра – переговорить по X-связи с десятком незнакомых и скверно соображающих людей.

Наконец взмыленная, как призовая лошадь, она вновь предстала перед подобрешшим начальником.

– Ну что там твои гаврики?

– Сэнсэй Накамура изволил... отбыть... в чертоги богини Тирамису, – произнесла Александра с казенной скорбью в голосе. Актриса из нее была так себе.

– А этот... киприот?

– Категорически отказался куда-либо лететь. У него, видите ли, клиническая X-фобия и справочка есть.

– А надавить?

– Не стоит. Ему сто два года, о чем я лично раньше не подозревала.

– Другие варианты?

– Другие варианты уперлись в проблемы с логистикой из-за обязательного режима конвоев. Я посчитала, что даже

профессор Павел Северов из Новороссийска-на-Дарье сможет достигнуть нас лишь спустя сорок часов... Если это время вас устраивает, я его вызову.

– А поближе кого-нибудь нет?

Александра опустила глаза.

– Есть один вариант, но вы будете недовольны.

– Чем именно?

– Обтекаемо говоря, человеческими качествами.

– Это что, очень необязательный и сильно пьющий черный пацифист из Сан-Франциско?

– Нет, это непьющая, но своенравная, неуправляемая и адски острая на язык профессорша.

– Как ее зовут?

– Афина.

Товарищ Иванов присвистнул, дескать, «вот это имечко!»

– Ей отец дал, ярый поклонник античной культуры.

– А фамилия?

– Железнова, – нехотя ответила Александра.

– Родственница?

– Сестра. Сводная. По линии отца. Афиной он ее назвал на спор с другом, преподавателем древнегреческого в университете.

– А что, это забавно! Чрезвычайно забавно! – оживился товарищ Иванов. – Я даже и забыл, что у тебя есть сестра... И про батюшку твоего никогда не думал в таком контексте... Фотография есть?

– Чья?

– Да богини твоей... Афины.

– Имеется, – Александра протянула спецуполномоченному свой планшет.

С матового экрана на товарища Иванова взглянула молодая женщина лет тридцати с узким длинным лицом закоренелой вегетарианки, римским носом и густыми вьющимися волосами до плеч. Тяжелые кудри были схвачены на лбу затейливой кожаной повязкой.

На женщине была линялая спортивная майка с надписью «Олимпиада 2620», так что развитые мышцы шеи и плеч можно было вот так очень запросто разглядывать... Необычного колера изумрудно-ореховые глаза женщины глядели прямо на зрителя. И в глазах этих светились несредний ум, а еще женское превосходство, а еще печаль, нередкая спутница несреднего ума.

– Немедленно зови! – потребовал Иванов.

– Видите ли, есть проблема. Афина – особа крайне самостоятельная и в чем-то даже избалованная... Ей надо что-то пообещать, иначе она не согласится.

– Ну так денег ей пообещай! Зарплаты у научных работников Российской Директории, конечно, неплохие, особенно в сравнении с иными другими державами, но от премиальных наши невтоны и катоны обычно не отказываются, хехе...

Александра покачала головой.

– Денег у нее более чем достаточно.

– Более чем? – Иванов не скрывал своего удивления.

– Афина замужем за крупным акционером «Громовстали» Григорием Болотовым, – на экране планшета показалось бледное самоуглубленное лицо сорокалетнего мужчины, рассеянно глядящего куда-то за кадр. – В экспедиции она отправляется исключительно на собственном звездолете под названием «Эйлер»... А ее муж спонсирует факультет и несколько лабораторий в Хабаровском государственном университете, он сам родом оттуда.

– Тогда обещай ей там по обстоятельствам что-нибудь возвышенное! Ну, чего она сама захочет... Что-то она да хочет, так?

– А если Афина попросит нечто невыполнимое? – товарищ Александра неприязненно пожала плечами. У нее были еще свежи воспоминания о том, как Афина требовала немедленно везти умирающего от рака отца в удаленную здравницу на Трайтаоне, где какие-то биоактивные сернистые грязи.

– Обещай даже невыполнимое... Потом разберемся, – черпнул воздух щедрой рукой товарищ Иванов. Черпнул, как показалось Александре, чуть более легкомысленно, чем пристало человеку в его статусе и положении.

Глава 2

Семнадцать метров ниже уровня моря

Май 2622 г.

Океан Радости

Планета Зенобия, система Цай

Серебристые, в мелкую крапинку спины китовых скатов проскользили в метре от Афины, и исследовательница проводила их цепким взглядом из-под маски.

Сейчас должно было начаться самое интересное: скаты изменят цвет на сине-голубой, разделятся на три группы и начнут загонять стаю шипоротов в мелководную лагуну. Там, в лагуне, скаты съедят почти всех шипоротов. После чего изменят цвет на салатно-зеленый. А она, Афина Железнова, впервые заснимет эту многоцветную трапезу для науки... Ну и для канала «Подводник» заодно.

Афина слегка шевельнула длиннейшими лапами, сняла с пояса камеру, и... в этот миг в ее наушниках раздался громкий сигнал вызова.

Гадать «кто звонит?» Афина не стала. Была уверена: это ее муж, Григорий Болотов – единственный человек, которому позволялось тревожить Афины во время подводных по-

гружений, а заодно единственный самец вида хомо сапиенс на планете Зенобия.

– Ну что там еще, Гриша?

– Тут тебя вызывают. По X-связи.

– Кому не лень? – с трудом скрывая недовольство, проворчала Афина; она ненавидела говорить в маску.

– Александра.

– Какая еще Александра? С кафедры, что ли, секретарь?

Я же сказала им: до конца мая я умерла и не воскресну!

– Не с кафедры... Сестра твоя.

– А... Саша? Скажи, пусть перезвонит через полчаса. Нет, через час... Или еще лучше – завтра.

– Она очень настаивает. Кажется, что-то случилось...

– Случилось? Да что же, Гриша?! Самое страшное, что могло случиться с нашим отцом, уже... А больше нас с ней ничего не связывает!

– Вот ты это ей сама и скажешь! Переключаю, – с доброжелательной непреклонностью отвечивал Григорий.

– Фенечка, дорогая, выслушай меня внимательно и как можно быстрее дай мне свой ответ. Это очень важно. Я говорю с тобой от лица правительства Российской Директории. Планета Грозный в системе Секунда будет полностью уничтожена через трое суток. Это сделает ксенораса ягну. Вообще-то раса эта строго засекречена, так что я очень доверяюсь тебе, когда сообщаю о ней. Вместе с планетой без-

возвратно погибнет уникальный биогеоценоз и два миллиона видов живых существ. Ты лучше меня знаешь, что особую ценность представляет поствулканическая биота архипелага Буровского. Ты сейчас единственный ученый мирового уровня, который может прибыть на Грозный быстро, благодаря вашей пространственной близости и прекрасной Гришиной яхте «Эйлер»... Соответственно, я прошу тебя спешно прилететь на архипелаг Буровского и вывезти хотя бы несколько самых интересных, по твоему мнению, биологических видов... Остаюсь у аппарата и очень жду твоего ответа, дорогая моя Фенечка.

Афина поддула жилет компенсатора и медленно поплыла к солнцу.

Восемнадцать метров до поверхности...

Четырнадцать...

Двенадцать...

«Дорогая моя Фенечка... – перекиривляла интонацию сестры, исполненную елейной дуболомности, чуткая Афина. – Подумать только! Идиотка Фенечка тоже на что-то сгодиться может!»

Времени на раздумья Александра дала ей совсем немного.

Прямо скажем, совсем не дала...

Впрочем, Афины это беспокоило значительно меньше, чем она пыталась изобразить – на самом деле она обожала во всем экспромты, любила риск, любила перемену мест.

И хотя к Александре – и как к человеку, и как к сестре,

и как к чиновнику – у нее было множество претензий (претензий женщины, сестры и свободомыслящей интеллектуалки!), приходилось признать, что давненько ей не предлагали ничего столь же сногшибательного.

Афина всплыла, опустила маску на горло и помахала мужу, который сидел за штурвалом катера. Григорий был загорелым, доброжелательным и немного инопланетным – как всегда.

Еще минута – и вот она уже передала мужу баллоны, а затем и ласты (на каждой была изображена голопупая русалка). И, держась за блестящие хромированные поручни, принялась взбираться на катер, нервно подрагивающий в мертвой зыби.

– Что там стряслось у Сашки? Что за срочность? – поинтересовался Григорий, рассеянно глядя, как на дне катера под сидящей Афиной собирается лужа морской воды, она текла с гидрокостюма.

– Да зовет нас на архипелаг Буровского... Это Грозный, система звезды Секунда... Тамошнюю фауну спасти... При том срочно. Умоляет!

– Умоляет? А что они нам за это дадут? – В голосе Григория зазвучало игривое корыстолюбие заядлого карточного игрока.

– Александра сказала обтекаемо: «Мы обещаем вознаграждение по твоему выбору».

– Может, ты тогда кафедру попросишь в МГУ? Или чтобы

твоим именем планету назвали?

– Моим именем уже три раза планету назвали. Еще до моего рождения! – усмехнулась Афина. – Одну в системе Черепаха, другую в системе забыла какой... А третью... тоже забыла... Я в подкессоненном состоянии тот еще эрудит, ты же знаешь.

– Просто «планета Афина» не считается. Надо чтобы «планета Афина Железнова».

– Ладно... Решим, пока будем лететь, что у этих жадных дедморозов попросить, – вздохнула Афина, расстегивая длинную молнию на гидрокостюме, на котором красовалась еще одна русалка – на сей раз с хвостом, стилизованным под знак интеграла. Значки бесконечности и прочая математическая нотация вокруг хвоста однозначно указывали сведущему зрителю на то, что перед ним – интеграл Эйлера – Пуассона.

Глава 3

«Эйлер» на острове Среда

Май 2622 г.

Звездолет «Эйлер»

Планета Грозный, система Секунда

Садиться было решено на остров, носящий имя Среда.

Да, все острова архипелага Буровского, числом семь, назывались днями недели. У первооткрывателей из экспедиции Еремея Буровского, легендарного капитана Главдаль-разведки, на большее не хватило фантазии.

Сверху, с низкой орбиты, Понедельник походил на размокший обмылок, найденный уборщиком в душевой кабине отеля.

Вторник напоминал дельфина, которого переехал пьяный асфальтоукладчик. Глазом дельфину служило жерло погасшего вулкана.

Остров Среда казался самым большим и внушающим доверие. Множество зазывно-желтых пляжей, окаймленных мангровыми зарослями, три пятна буйной зелени, мрачно-ватое на вид озерцо – вероятно, оно тоже расположилось в кратере погасшего вулкана.

Четверг выглядел сперматозоидом, бесстыдно рвущимся к яйцеклетке острова Пятница.

А Суббота с Воскресеньем вместе составляли широкие крылья тропической бабочки – лишенной, впрочем, тельца и лапок, ведь на их месте зеленела над рифовой отмелью океанская вода.

А все это вместе на что было похоже? На Курилы? Нет, не особо, те слишком северные, вокруг них нет характерных каемок рифовых отмелей.

На острова Санторини? И снова нет – там слишком крутые склоны, обрывающиеся прямо в море, тут такого нет.

На Гавайское губернаторство Российской Директории? Пожалуй, да, только сильно уменьшенное...

Галапагосы, вот! В точку! Самой точной аналогией были именно Галапагосские острова.

– Та-акая красотища! – воскликнула Афина, неотрывно глядя сквозь остекление пилотской кабины.

– Ты так каждый раз говоришь, – беззлобно заметил Григорий.

– Да, говорю... Но ведь каждый раз красотища!

Пока Григорий со старательностью новичка выполнял посадочные маневры, Афина успела еще раз переговорить с Александрой.

– Мы уже на подлете, сестрица, – медовым голосом сказала она.

– Афина, ты? – не сразу узнала Александра. В ее голосе дребезжало плохо скрываемое раздражение; похоже, Афина позвонила совсем не вовремя.

– Да, я, И, повторюсь, мы уже на подлете!

– На подлете к чему?

– Как это «к чему»? – переспросила Афина, с неудовольствием отмечая, как на дне ее души начала вновь копиться обида. Еще бы, только что эта негодяйка Саша чуть ли не на коленях умоляла ее кровавому ведомству помочь, а теперь, когда она, Афина, отложив свои дела, явилась на зов о помощи, сама даже не вспомнит, о чем просила! – К архипелагу Буровского! – выпалила она.

– А, ну да! Да, конечно! Господи, какие вы молодцы! Как же вы быстро! – Наконец-то в голосе Александры послышалось что-то, отдаленно напоминающее человеческое тепло и благодарность. – Я горжусь вами! Честное слово! Сейчас же вышлю вам телефон спецсвязи и подкрепление!

– Что-о?!

– Телефон и подкрепление!

– Какое еще «подкрепление»? – настороженно осведомилась Афина. Исторически сложилось так, что она с трудом переносила дураков и военных, а в особенности же – дураков-военных.

– Саперный взвод и двух ответственных товарищей!

– Каких еще товарищей, Саша? Какой еще взвод? – у Афины от ужасных предчувствий даже кончик носа побелел.

– Под товарищами я имею в виду офицеров. Они мои коллеги. Старший из них Глеб Розалинов. Он, между прочим, мастер спорта по подводному ориентированию. Второго зо-

вут Артем Засядько. Я его практически не знаю, но он только что с отличием закончил Академию Генштаба. Характеристики у него самые лестные. Думаю, оба они тебе понравятся – интеллектуалы, люди долга...

– Ну, допустим, – вяло согласилась Афина, а про себя подумала: «Могу себе представить этих интеллектуалов... Держиморды! Небось, книгу последний раз в средней школе видели и уверены, что университеты нужны для того, чтобы дети выросли не во дворах, с пивом в правой руке и порно на планшете в левой, а под присмотром старших». – А что за взвод?

– Взвод саперов! – пояснила Александра. – Правда, он численностью в отделение... Но все равно! Саперы – люди рукастые, умелые. Могут и клетку для слона быстро сварить, и наплавной понтон организовать. И плавающий мобиль у них есть, амфибия...

– Амфибия нам бы и впрямь не повредила, – хозяйственно потирая руки, заметила Афина. – С ней гораздо удобней. А то Гриша все не соберется купить. У нас только катер, маленький такой...

При всех своих недостатках, Афина была человеком, превыше всего ценящим объективность. Если ее собеседник был в чем-то прав или говорил дело, она никогда не стала бы уверять себя или других в обратном.

– Эти саперы привезут также питьевую воду. Клетки и аквариумы, консервы, оружие на всякий случай... И многое

другое.

– Ты мне главное скажи, – вкрадчиво сказала Афина, – точные списки видов, подлежащих эвакуации, эти твои просвещенные вояки с собой привезут?

– Какие списки? Их не существует в природе, Фенечка. Действуй на свое усмотрение, ты же специалист, а не я.

Афина тяжело вздохнула. Вот так всегда, со времен русских сказок. «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

У нее было еще два десятка важных вопросов. Но задать их она не успела.

– Фенечка, милая, мне пора бежать, – внезапно отбросив командирские обертон, промурлыкала Александра. – У меня тут эвакуация людей в полном разгаре!

В наушниках зачастили короткие гудки.

Афина повернула к мужу бледное лицо. «Вот она я, истерзанная грубой и хитрой Александрой», – читалось на нем.

Григорий ответил Афине всепонимающей, всепрощающей улыбкой кандидата в местные будды.

Глава 4

Клоуны скучающей богачки

Май 2622 г.

Остров Среда, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

На планету Грозный Афина с Григорием сошли в необычайно приподнятом настроении.

Афина – та даже приплясывала от избытка энтузиазма. Вот он, легендарный архипелаг Буровского!

Григорий же просто загадочно улыбался – в кои-то веки ему, не слишком опытному пилоту, удалось посадить «Эйлер» без единой ошибки и даже без замечаний со стороны всезнайки-парсера!

А вот анонсированное Александрой «подкрепление» было мрачным, малоподвижным и почти поголовно курящим.

Бойцов минуту назад привез «Кирасир». Он тоже был весь какой-то... выдавший виды – потертый, закопченный и негероический.

Из «Кирасира» выехало внушительное десятиметровое корыто на четырех парах колес – саперная амфибия «Кайман». Кузов амфибии был завален разновеликими ящиками, коробками, канистрами...

Из корыта вышли тяжелым шагом смертельно усталых

людей девять саперов в запыленной полевой униформе. И два офицера в роскошных, никогда раньше не виденных Афиной скафандрах.

Последним на коралловый песок острова Среда выбрался электрокар, управляемый бортинженером «Кирасира».

Электрокар был заставлен рядами двухтонных цилиндрических аквариумов из сверхпрочного кварцитового стекла. У каждого аквариума имелся массивный поддон, заключающий в себе системы обогрева, очистки воды и регенерации воздуха. «Это для аридотевтидов», – сообразила Афина.

– Интересно, где они разыскали такую прорву профессионального оборудования, да еще так оперативно? Ведь тут у них вроде как война?! Каждый такой кварцитовый аквариум, между прочим, ценой в доцентскую зарплату за полгода, – прошептала Афина на ухо флегматичному Григорию.

– Вариант первый: отняли у клонов. Вариант второй: мы многого не знаем об организации, которую представляет твоя сестрица.

Когда разгрузка закончилась и «Кирасир» плавно отбыл в безоблачную высь, Афина с Григорием подошли к своим новым товарищам поздороваться.

Не будь они все в таком жесточайшем цейтноте, Афина предпочла бы, конечно, вначале дать себе и ребятам пообвыкнуться на новой планете. Как минимум – отведать зеленого чаю с ароматными, восково-желтыми ванильными кек-

сами (благо электронный кок «Эйлера» выпекал их превосходно).

Но факты были безжалостны. На все про все у них было ровно двое суток!

– Меня зовут Афина Железнова! – сказала она громко, чтобы надежно перекричать рев прибоя. – По поручению Александры Браун-Железновой я буду руководить эвакуацией редких биологических видов отсюда, с архипелага Буровского. А это мой муж, Григорий Болотов. Он – профессор математической физики. В биологии разбирается посредственно. Но он тоже будет участвовать в операции на правах моего помощника и защитника.

– А я – капитан третьего ранга Глеб Розалинов. Я офицер Генштаба, отдел «Периэксон», специалист по всему аномальному, – представился высокий мужчина с широким одутловатым лицом, смахивающим на морду тюленя. – Это мой младший коллега Артем Засядько.

– Рад приветствовать, – негромко сказал тот.

Вид у этого Засядько был совершенно кабинетный. Ни стати, ни мышц. На лице – компьютерный загар с приятной синевой.

«Пожалуй, до держиморды ему еще расти и расти... Эмбрион держиморды», – отметила про себя Афина.

Она неожиданно сильно стиснула ладонь Артема в крепком рукопожатии, и тот в ответ разве что не ойкнул.

– Кстати, чуть не забыл! – спохватился Розалинов. – Май-

ор Браун-Железнова велела передать вам этот телефон. Он предназначен для экстренной связи с ней лично. Если вдруг какой-то форс-мажор...

Афина повертела в руках переданный аппарат. Телефон как телефон, на вид как будто из дешевых, разве что с одной-единственной, но огромной кнопкой, на которой гравирован золотой двуглавый орел. Или это он для маскировки сделан как «из дешевых»?

«Да какая, в сущности, разница... Никогда нам не понять их логики! Все равно я звонить по нему ни за что не стану, каковы бы ни были обстоятельства!» – подумала Афина и с фирменным женским равнодушием спрятала трубку в карман комбинезона.

Саперы – мятые, несчастные и даже по виду понятно что голодные – посмотрели на Афину как-то сонно, если не сказать неприязненно. Лишь один из них счел необходимым улыбнуться, да и то вышло криво.

А вот их по-киношному смазливый командир старший сержант Липин все же соскреб со дна души остатки политеса и кое-как изобразил воодушевление.

– Старший сержант Липин, – представился он и как следует смял узкую сильную ладонь Афины привычными к турнику пальцами.

Двух бойцов-саперов оставили сторожить «Эйлер», заниматься разбивкой лагеря и приготовлением обеда.

Все остальные погрузились на «Кайман», и амфибия, вспенив мелководе водометами, взяла курс на остров Вторник – ближайший к Среде. Что, впрочем, и неудивительно, ведь архипелаг Буровского представлял собой изогнутую подковой цепочку из семи островов, поименованных от Понедельника до Воскресенья последовательно, а стало быть, ближе всех к Среде и лежали Вторник с Четвергом.

Четверг отстоял от Среды чуть дальше Вторника. Он был почти полностью лишен растительного покрова, так что его невысокие каменистые гряды населяли почти исключительно пернатые. Местные птицы, хотя и происходили вовсе не от рептилий – как на Земле, – а от рыб, и тем являли занятный казус эволюции, по мнению Афины, внимания не заслуживали. По крайней мере в первые сутки.

А вот Вторник был предельно привлекателен. Там, по многочисленным свидетельствам биологов прошлого века, вероятность повстречаться с самыми чудесными представителями надкласса квазинасекомых была максимальной.

– Так кого ловить сейчас будем? – спросил державный интеллеktуал Розалинов, уперев в Афины двустволку своих тюленьих глаз.

– Палочника Штока, – сказала Афина.

– Кого-кого? – не расслышал Розалинов, водометы «Каймана» заливались вовсю.

– Палочника. Штока. Ш-т-о-к-а.

– Не слышу! – Розалинов пальцем указал на свое правое

ухо.

«Не слышишь, так зачем спрашиваешь? Ведь ясно же, слышимость – ноль!» – пожалала плечами Афина и промолчала, изобразив подобие извиняющейся улыбки.

Наконец амфибия, скрежеща розовой галькой пляжа, тяжело выкарабкалась на дикий берег.

– Останавливайте, дальше пойдем пешком! Иначе всех палочников Штока распугаем! – скомандовала Афина.

– Всех кого? – скривился старший сержант Липин.

Афина обреченно вздохнула.

– Имейте терпение, товарищи! Сейчас дойдем до Зеркала Царевны, и тогда я вкратце остановлюсь на нашей задаче.

Саперы ответили негромким ворчанием.

Слов Афина не разобрала, лишь общую эмоциональную атмосферу. Которая была, прямо скажем, подавленной.

Зеркалом Царевны звалось озеро, расположенное в центре плоскогорья, которое занимало южную часть Вторника.

Такое название водоему дал знаменитый биолог и путешественник Франциск Шток. Ему посчастливилось первым исследовать и описать местную не столь богатую, сколь безмерно оригинальную фауну и умереть от инсульта в объятиях медузы-прыгуна.

К слову, под портретом Штока Афина просидела все старшие классы средней школы. Он, благообразный и длиннорылый, с носом, похожим на батат, и кротким нравом свое-

го тезки, мечтателя Франциска Ассизского, как будто благословлял ее поступление на биологический факультет Московского университета.

На зеркало – царское ли, обычное – озеро и впрямь смахивало.

Всему виной были соли серебра, кристаллы которых покрывали гладкие сланцы на дне озера. С некоторых ракурсов озеро блестело, как амальгама. А в ином освещении казалось отлитым из стали!

Вокруг озера росли величавые гиганты – кринолиновые деревья, эндемики архипелага Буровского.

Книзу необъятные, кверху узехонькие, стволы кринолиновых деревьев были весьма удобны для лазанья. Вдобавок по их коре змеились глубокие расселины, в которых стопа находила множество удобных приступок. Обширные кроны кринолиновых деревьев состояли из густой сети сильных, упругих колючих веток, усыпанных глянцевыми листьями-пуговичками.

– Вот в этих кронах и водится палочник Штока, – сказала Афина, указывая в сторону ближайшего дерева.

– Осмелюсь спросить, а какой он, этот ваш палочник? – поинтересовался старший сержант Липин.

– Как и наши земные палочники, животное имеет шесть суставчатых ходильных конечностей и продолговатое вытянутое тело, – Афина передала по рукам пачку фотографий – самоупоенное неземное создание с вытянутым удивленным

«лицом» (реально – комплекс из собственно головы, стеклянистого тела, мандибул, педипальп и головогруды). – Правда, в то время как на Земле палочники относятся к классу насекомых, здесь, на Грозном, мы имеем дело фактически с особой разновидностью сухопутных кольчатых червей, которые, однако, вместо трахей имеют достаточно полноценные легкие...

– Да короче, как ловят-то? – раздался из задних рядов усталый мужской голос. – Чай не на лекции...

Афина сделала вид, что не расслышала это мужланское «короче».

Но по ее возмущенному взгляду Григорий понял, что, конечно же, расслышала. И едва ли потерпит такое «короче» еще раз!

– Ловят его просто. Надевают защитные очки. Берут вот этот сачок для ловли насекомых или, как выражаются некоторые любители старины вроде меня, рампетку, – Афина подняла в воздух самодельный сачок. Она сделала из проволоки и нейлоновой сетки шесть штук, пока звездолет «Эйлер» рассекал просторы космоса. – И накидывают его сверху на палочника. Затем перекручивают марлю во-о-от так, – Афина ловко показала, как именно, – и несут добычу мне...

– ...в борщик, – вполголоса завершил ее фразу кто-то из саперов, прячась за спинами товарищей.

– Да будет вам известно, палочники Штока абсолютно несъедобны, – Афина сердито наморщила лоб. – Мы долж-

ны поймать четыре, а лучше пять, шесть штук... Это самая важная задача сегодняшнего утра.

Над Зеркалом Царевны повисла пауза, наполненная тяжелым мужским сопением.

Один из саперов смачно сплюнул.

Другой вполголоса выругался.

А третий сказал:

– Товарищ старший сержант, разрешите обратиться!

– Разрешаю, – Липин обернулся влоборота на голос.

– Согласен понести любое наказание, но я этих кузнечиков долбанных ловить отказываюсь. Отказываюсь, и все. У меня на руках вчера двое товарищей кровью истекли. А тут эти кузнечики, мать-перемать...

– Я тоже отказываюсь. Я не спал сорок девять часов... Наказывайте и меня тоже!

– И я никуда не пойду!

– Я не клоун! Скучающих богачек развлекать не намерен!

– Да к лешему такие задания!

Старший сержант Липин посмотрел на Афину и виновато развел руками. Словно бы хотел сказать: «Вы же видите, личный состав утомлен».

Ясное дело, он, как непосредственный начальник саперов, имел право им приказать. Но своим правом воспользоваться не спешил. Внутренне Липин был согласен с сослуживцами.

– Это у них бунт, надо понимать? – спросила Афина у Григория.

– Ну, бунт – это громко сказано... Я бы выразился тоньше: возрождение древних традиций демократического самоопределения в русской армии...

Афина поморщилась.

– Это когда и где они такие были, традиции?

– Ну я не знаю... В новгородском войске?

Афина была не из тех, кого легко сбить с выбранного курса каким-то «демократическим самоопределением» семи саперов.

– Что ж, тогда мы будем ловить палочников вдвоем, – решительно резюмировала она. – Ты-то хоть не считаешь меня скужающей богачкой?

– Я всегда с тобой, любимая, – уклончиво ответил Григорий.

Наконец сказал свое веское слово и Розалинов. Все-таки он был старшим начальником и имел более чем достаточные полномочия, чтобы приказывать и саперам, и их командиру, старшему сержанту Липину.

– Значит, так, мужики. Все, что вы тут наговорили, – это лишнее... Видного отечественного ученого обидели, правительственную программу срываете... Но о том, что вы три месяца вели непрерывные бои с клонами, – знаю. О том, что все последние дни вы трудились без устали на космодроме Новогеоргиевска, – тоже знаю! Что вчера попали под огонь каких-то клонских психов – мне тоже известно! Жизнь у вас не сахар. Поэтому постановляю: объявляется трехчасо-

вой привал. Ешьте, спите, можете искупаться, если здесь вообще разрешено...

– Категорически запрещено, – ледяным тоном сказала Афина и скрестила руки на груди.

– Значит, без купания обойдетесь, – невозмутимо продолжил Розалинов. – Все ясно? Вопросов нет? Разойдись!

И саперы разошлись.

Афина же с Григорием поплелись к ближайшему кринолиновому дереву.

Вид у них был помятый и озадаченный.

Вот чего-чего, а такого начала работы они совсем не ожидали...

Глава 5

Охота на палочника Штока

Май 2622 г.

Остров Вторник, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

Григорий и Афина провели на кроне самого внушительного в округе дерева немало запоминающихся минут.

Видели семью сумчатых белок: лишённая талии самочка, подавленный чем-то своим, беличьим, самец и четверо лысых, но уже вполне когтистых и резвых детенышей.

Белки-дети сообща грызли плод дикого кабачка, который притащили им на обед родители. На аппетит дети не жаловались, и было ясно, что они вырастут такими же мордатými и жирнобрюхими, как их родители.

– Жаль, что они не эндемики... Я бы их тогда с собой взяла, – умиленно улыбаясь, заметила Афина.

Затем Григорий обнаружил гнездо местных сорокопутов – это были немаленькие, килограммов по пять каждая, ихтиопернатые птицы с клювом попугая какаду и лапами буль-терьера.

В гнезде лежало два оранжевых яйца, каждое величиной с булыжник мостовой.

Яйца Григорий, конечно, не тронул – побоялся разозлить

мать. Но вот гнездо не удержался и сфотографировал – для истории.

Как и заведено у нормальных сорокопутов, гнездо было обрамлено тушками изловленных жуков, бабочек, пауков, червей, слизней – всей той многообразнейшей пакости, которую наука скучно именуется беспозвоночными, а конкордианская религия зороастризм – храфстрой. Для каждой храфстры сорокопуты выделяли свой сучок или длинный шип, на которые и нанизывали свою добычу.

Некоторые жуки и пауки – если же выражаться научно, с поправкой на особенности биоты архипелага Буровского, то квазиинсекты-гексоподы и квазиинсекты-октоподы – все еще шевелились.

Выглядело это с позиций обычного человека малоаппетитно, но Григорий с Афиной обычными людьми не являлись.

– Вот так шашлычки! – усмехнулся Григорий, фотографируя снова и снова.

– Весьма примечательно, – сухо заметила Афина, – что среди этих шашлычков напрочь отсутствуют палочки Штока.

Она утерла пот со лба и огляделась – над кроной дерева порхали десятки разноцветных бабочек!

Поначалу и она, и Григорий громко восхищались авангардистской пестротой их расцветок. Но вскоре восхищаться перестали и начали видеть в них лишь суетливую помеху

своим малоудачным поискам...

Также им встретилось множество диковинных красавиц-цикад, несколько улиток с прованскими замками на крышах и два десятка местных древолазающих лягушек. Морды у лягушек были дружелюбные и приветливые: было ясно, что какая-нибудь из них наверняка дождалась бы своего Ивана Царевича, имейся у планеты Грозный будущее.

И только палочника Штока не видели они ни одного. Прошло два с половиной часа, а их контейнер был издевательски пуст!

– Может, палочники в это время года того... впадают в спячку? – предположил Григорий.

– В какую спячку, Гриша? – ласково спросила Афина и поглядела на мужа как на дошкольника. – Палочники не знают никакой спячки. Зимы здесь, считай, нет.

– Ну откуда мне знать? Я вообще во всем этом не разбираюсь, – скрывая легкую обиду, ответил Григорий. – И я, честно говоря, не меньше наших хамоватых саперов озадачен выбором первой кандидатуры для спасения... Почему ты в принципе решила, что следует ловить этих дурацких палочников? Неужели во владениях Великорасы такой дряни мало?

Афина замерла в неподвижности, словно бы каждое движение мышц мешало ей обдумывать аргументированный ответ. А затем заговорила, складно и бойко, точно готовилась полдня.

– Ну, во-первых, палочник Штока – один из крупнейших представителей квазинасекомых, известных мировой науке...

– Аргумент на троечку, – ввернул Григорий. Но Афины было не остановить:

– Во-вторых, ярчайший образец эндемической биоты архипелага Буровского. То есть потребление L-изомеров глюкозы, задействование в ДНК особого набора из двадцати двух аминокислот, удивительная способность замещать в метаболизме при необходимости углерод серой и фосфором – все эти уникальные особенности биоты архипелага присущи им в наиполнейшей мере!..

На Григория, однако, впечатление было произвести не так-то легко, и он покачал головой:

– Это все на троечку с плюсом.

Афина уничтожающе поглядела на супруга и выдала свой главный козырь:

– Ну а в-третьих, палочник Штока – единственный известный нам вид беспозвоночных существ, вооруженный хемолазером.

– Хемолазером? Ты серьезно? – Григорий почесал сачком за ухом. – В смысле, ты хочешь сказать, что они способны проводить химическую реакцию, влекущую за собой истечение когерентного пучка фотонов?

– Ну я не знаю, когерентный там пучок или просто сфокусированный... – неуверенно произнесла Афина. – У них, ко-

роче говоря, есть три железы. Каждая вырабатывает специфическое вещество. Когда палочник Штока испуган или решает атаковать, эти вещества смешиваются в особой клоаке, так называемой «параллельной гортани». Происходит бурная реакция. И стеклянистое тело, размещенное под хелицерами палочника, испускает яркий луч света. Если верить справочникам, на коже человека он оставляет ожог, как от сигареты...

– Вот это да! – воскликнул Григорий. Он был действительно впечатлен.

– Так вот я подозреваю, что клоны, когда вывозили отсюда животных с целью акселерировать их в своих лабораториях на Ардвисуре, начали именно с палочников Штока. Неопровержимых доказательств у меня, конечно, нет... Но я все же навела кое-какие справки. Так вот: до войны клоны писали научные работы о палочниках Штока в шесть раз чаще, чем обо всех других палочниках, вместе взятых! Хотя, казалось бы, дались им эти квазинасекомые, которые на их территориях вообще не обитают? Александра сказала мне, что я должна, исходя из своей интуиции, предугадать выбор клонов и взять тех же животных. Вот я и предугадала...

– Но зачем им эти палочники?! Объясни мне, простофилю! – попросил Григорий. – Согласен, что хемолазер – это страшно забавно... Но только что забавно, не более!

– Ты не понимаешь, – Афина снова посмотрела на мужа покровительственно. – Клоны непрестанно совершенству-

ются в генной инженерии. У них она, в отличие от нас, разрешена! И притом давным-давно! Соответственно, они могут взять палочника Штока и скрестить его... ну, например, с халкозавром. Представляешь себе халкозавра, стреляющего из лазера, который является неотъемлемой частью его организма? Или того хуже – обезьяну, которая уже достаточно сообразительна для того, чтобы совершать диверсии, и которая по виду – обычная обезьяна, приборы не фиксируют ни оружия, ни взрывчатки! Но при этом в самый неожиданный момент она распахивает пасть и оттуда бьет луч лазера! Который поджигает, ну например, одну бочку на огромном топливном складе... А дальше сам понимаешь... Тут, в общем, такое поле для безобразий... Непаханое просто!

Григорий смежил веки и энергично растер виски пальцами – этот жест помогал ему справляться с особо трудноперевариваемой информацией об окружающем мире. Обезьяна-диверсант с хемолазерным ружьем в гортани... Невероятно!

– Постой... А почему ты саперам нашим все это не рассказала? Ну, про халкозавра с лазером? Про клонов, которые будут скрещивать нашего палочника с обезьяной? Солдаты ведь, я так понял, больше всего разозлились, что их с настоящей войны выдернули, где люди гибнут, для выполнения какой-то, как им показалось, игровой, несерьезной задачи.

– Они, можно подумать, дали мне возможность что-то объяснить! – воскликнула Афина возмущенно. – Да эти сол-

дафоны каждое мое слово на смех поднимали! И смотрели на меня как на говно! Будто я им какая-то дура с куриными мозгами, с обложки журнала «Пикничок»!

– Все равно надо было рассказать. Ну, может, еще представится возможность... Вон, гляди-ка, – с этими словами Григорий указал на мощное кринолиновое дерево справа от них.

По его стволу кто-то карабкался.

И не просто «кто-то». А великолепно сложенный блондин, старший сержант Липин (он был неосмотрительно раздет по пояс). Его сопровождали двое саперов.

И карабкались они на дерево вовсе не по раздвижной лестнице, как Григорий и Афина, а с использованием ручных и ножных крючьев – «кошек» из расширенного комплекта саперного оборудования.

На кроне дерева слева тоже виднелись бойцы!

До Григория и Афины ветер доносил малопрстойные обрывки разговора, хотя, о чем именно там говорили, сказать было невозможно.

– Ну вот! Прошло всего три часа пять минут, а на острове Вторник уже воцарилась настоящая энтомологическая идиллия! – резюмировал Григорий.

– Твои слова да Богу в уши, – тихо сказала Афина, отмечая, как по капельке к ней возвращается вера в человечество и свою счастливую звезду.

Вскоре уже все саперы без исключения были заняты поисками.

Не оставляли надежды и Григорий с Афиной.

– А они хищники, интересно? Эти твои палочники? – поинтересовался Григорий, чтобы было не так скучно лазить туда-сюда и раздвигать колючие ветки.

– Как это ни странно, нет! Хемолазеры нужны им исключительно для обороны!

– А от кого они обороняются?

– Ну, всех врагов палочника ты уже здесь видел. Во-первых, от белок. Во-вторых, от сорокопутов. И те и другие – грозные противники! А удар клюва сорокопута может разорвать палочника пополам! Но стоит только палочнику ужалить вожака белок или сорокопута своим лазером, как у них пропадает всякая охота с ним связываться! Наивные, они не знают, что в следующий раз хемолазер палочника будет готов к выстрелу только через пять минут!

– То есть палочник, выражаясь языком исторических романов, берет белок на понт, – резюмировал Григорий.

– Да, он берет, а они берутся.

– А чем же он тогда питается? Ведь чтобы наесть такую упитанную тушку, надо много кушать!

– Это как раз совершенно безынтересно. Ну чем питается... Травой, листьями, чем попало, – равнодушно отмахнулась Афина. – Вот если бы у него была четкая пищевая специализация! Если бы он нуждался в каком-то одном кормо-

вом растении, как, например, гусеницы большинства земных бражников! Тогда ловить и разыскивать его было бы совсем несложно! Жрал бы он только молодые бутоны каких-нибудь эпифитов... орхидей, скажем для простоты... вот возле них мы бы его и караулили. А так...

Со стороны соседней кроны послышался счастливый вопль.

– Эй, товарищ Афина! Мы нашли!

– Ой, да что там они нашли? – прошипела Афина, ей даже не хотелось смотреть на кричавших.

– Товарищ Афина! Поглядите, тот палочник или нет?! – не унимался боец.

– Афина, ну будь же человеком! Хватит дуться! – Григорий ласково приобнял жену. – Они там и правда что-то поймали. Я поглядел в бинокль – страшно похож на искомого господина с лазером в заднице!

– Не в заднице, а во рту, – пробурчала Афина, однако увещеванию поддавалась.

Спустя пятнадцать минут оказалось, что три пары искавших нашли по одному палочнику, а тройка из старшего сержанта Липина, рядового Букина и рядового Гресья поймала даже двух!

Итого: пять палочников за час!

Одни лишь Афина с Григорием не поймали ни-че-го.

– Во всем дерево виновато! – с детской непосредственностью заявила Афина. – Заколдованное!

– Но ведь «заколдованное» – это ненаучно, – язвительно заметил Григорий.

После трехчасового отдыха саперы оттаяли.

Как будто произошло чудо!

Не то Розалинов смог их убедить в важности для русского народа этой, комичной на их солдатский взгляд, энтомологической задачи. Не то сон и кофе с бутербродами убедили саперов лучше Розалинова...

Но так или иначе, когда палочники были рассажены по садкам, саперы, повинаясь команде старшего сержанта, встали шеренгой по стойке «смирно» и хором грянули:

– Товарищ! Афина! Просим! Простить! Наше! Гадское! Поведение!

Афина так растрогалась, что с трудом нашла в себе силы не расплакаться.

– Это вы меня извините! Не рассказала вам самого важного про этого палочника! Про хемолазер!

– Про лазер нам товарищ Розалинов растолковал. Иначе не обошлось бы без ожогов, – пояснил старший сержант Липин. – Мы готовы когтями землю рыть, лишь бы только у сухих клонов этих лазеров никогда не было!

Саперы поддержали старшего сержанта одобрителем ропотом.

«А этот Розалинов не такой лопух, каким кажется», – одобрителем подумала Афина.

Пока амфибия везла их обратно на остров Среда, дежурные по лагерю приготовили отличный обед. Конечно, не будь Афина такой голодной, она непременно сказала бы пару колкостей и по поводу чечевичного супа, и по поводу грибной запеканки, но ей было не до колкостей, надо было побыстрее просить добавку!

После трапезы, или, как выражались саперы, «приема пищи», все собрались с кружками ароматного чая вокруг Афины. Польщенная всеобщим вниманием, товарищ биолог поставила задачу на вторую половину этого, уверенно обещавшего быть бесконечным, дня.

– Следующая наша цель – говорящие грибы.

Афина примолкла в затаенном ожидании – станет ли кто перебивать ее на этот раз? Однако желающих не нашлось.

Она продолжила:

– Эти грибы растут в тени эвкалиптовидных ив, которых особенно много здесь, на острове Среда. Растут они на болоте, и их колонии образуют всякие интересные фигуры – восьмерки, спирали, иногда даже смайлики. Чем знамениты эти грибы? Своей способностью записывать услышанные звуки, а потом воспроизводить их. Это, так сказать, растение-попугай. Эта удивительная особенность необходима грибам для того, чтобы подманывать птиц. Вначале грибы записывают птичье чириканье, потом воспроизводят его. Птицы сдуру слетаются к ним и...

– Грибы их едят! – не выдержал рядовой Гресь.

– Не угадали! Грибы живьем никого не едят. Потребляют только мертвечину. Да и то чуточку погода. У грибов нет ни лап, ни щупальцев, чтобы хватать добычу... А птицы грибам нужны для того, чтобы получать удобрения. Они питаются птичьим пометом...

– А почему они лошадей не приманивают? Научились бы ржание копировать – сразу с питанием дело бы пошло!

– Уверена, они бы так и поступили, – глотая смешок, кивнула Афина. – Но проблема в том, что на острове нет лошадей... Ладно, пойдемте, а то солнце сядет.

– Ну и зачем нам эти грибы? – тоном лектора, подводящего студента к ответу, поинтересовался Григорий.

– А! Да! Забыла сказать! – Афина ударила себя ладошкой по лбу. – Товарищи саперы, эти грибы очень, очень важны. Дело в том, что все существа, живущие на острове Буровского, могут питаться только растениями, выросшими здесь же. Ну или хотя бы кормом, изготовленным из этих растений. Вся проблема в белках и изомерах глюкозы... Так вот говорящие грибы – идеальное сырье для кормов. В первую очередь потому, что они и в лабораторных условиях отлично растут... – Афина улыбнулась, – ну как грибы. Так что сейчас мы с вами отправляемся, так сказать, на фуражировку.

Глава 6

Змея-пельтаст и медуза-прыгун

Май 2622 г.

Остров Среда, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

В лесу висели пронизанные нитями солнечных лучей ранние сумерки.

Афина подняла глаза к небу – туда, где в кружеве листвы сквозило солнце, – и улыбнулась. Она была почти счастлива...

В отличие от палочников Штока, говорящие грибы не стали прятаться. Они сразу открыли себя Афине и ее спутникам – их было полным-полно!

И в самом буквальном смысле слова саперы гребли их лопатами...

Первые семейки грибов, отправившиеся в контейнеры, как и обещала Афина, встретили саперов бодрым птичьим щебетанием.

Ну а последующие уже болтали на сносном русском языке. И даже с матерком.

– Да ты посмотри!

– Тут их навалом!

– Какие шляпки у них, как будто из цветного пластика!

– Почему их не назвали «грибы-попугай»?

– Интересно, они что-нибудь понимают из того, что говорят?

– Ты совсем дурак, Вова, или прикидываешься?

Влажные поляны, усыпанные грибами, кишели также и самой разной живностью.

Древесные лягушки и жабы, каждая по полкило весом... Слизни, увенчанные пучками нежных вибрирующих рожек. Пиявки, алчными гроздьями свисающие с ветвей...

– Ребята, умоляю вас, перчатки не снимайте, как бы вам этого ни хотелось... Здесь водятся такие саламандры, одной капли яда которых хватит, чтобы убить сто человек! Я не шушу! Сто! Поэтому когда выкапываете грибницы, соблюдайте осторожность... – наставляла саперов Афина.

На душе у нее было покойно и радостно.

И от осознания того, что злосчастные палочники Штока уже пойманы, а значит, доброе начало их экспедиции положено, и от осознания того, что ей все же удалось как-то мотивировать, привлечь к работе саперов, и, не в последнюю очередь, от мечтаний о том, что скоро ведь ужин, а затем и долгожданный сон...

Говорящие грибы казались Афине самой легкой целью из тех, что были отмечены в ее блокноте. В самом деле: они ведь не бегают, они только и ждут, когда же их выкопают...

Афина уселась на заросшую мхом корягу, прикидывая, какой режим полива выставить на контейнерах, чтобы он

совпадал с тем, к которому привыкли грибы, когда между деревьями пронесся истошный крик боли.

– Ч-черт! Эта сучка меня укусила! Братва, укусила-а-а-а!

Говорящие грибы повторили этот крик раз пятьдесят. А потом еще пятьдесят.

Пострадавшим оказался рядовой Белошапко, худощавый, наголо стриженный двадцатилетний сибиряк с глазами на-выкате.

Он сидел возле особенно матерой грибницы. Рядом с его правым сапогом была небрежно воткнута в землю саперная лопатка – он как раз обкапывал грибницу, чтобы извлечь ее вместе со слоем почвы и переместить в контейнер.

Свою правую руку с короткими, как у карлика, розовыми пальчиками он держал на весу, противоестественно изогнув запястье.

Невозможно было не заметить, что рука его буквально на глазах делается из нежно-розовой ярко-красной, да еще и покрывается зловещими мраморными разводами.

– Какой странный эффект... – пробормотала Афина. – Дайте-ка поглядеть!

– Эта сучка меня укусила! – в сотый раз повторил Белошапко, истерично всхлипывая.

– Какая сучка?

– Да вот эта, полюбуйте! – сказал жирный мужской бас откуда-то сзади.

Румяный здоровяк с орлиным носом и трехдневной щетиной – тогда Афина еще не знала, что его фамилия Павлов – нес метровую змею.

В правой руке Павлова болталось туловище змеи. А на ладони левой – она тоже была в перчатке – лежала змеиная голова с причудливым выростом в затылочной части, имеющим форму широкого полумесяца.

– Вот эта укусила, да? – уточнила Афина у Белошапко.

– Она... Я только перчатку снял, чтобы сигарету достать из пачки, она вот тут лежала, – рядовой показал на невысокую полочку, которую образовывал ряд грибных шляпок, – а она башку свою отсюда ка-ак выпростает!

– Хорошо, что вы не дали змее уйти, – искренне поблагодарила здоровяка Павлова Афина. – Теперь я хотя бы буду знать, какое противоядие искать!

Белошапко тем временем побледнел еще сильнее и заныл:

– Товарищ Афина, пожалуйста... Дайте какое-нибудь лекарство... Очень больно...

– Подожди секунду!

Взводный фельдшер – Алексей Прохорович – уже был тут как тут.

Он извлек из распахнутого пластикового чемоданчика инъектор, ампулу с универсальным антидотом и, не тратя времени на сомнения, вколол противоядие страдальцу.

– Сейчас попустит, – заверил он беднягу.

– Ты опознала змею? – шепотом спросил Григорий у Афины, которая отошла на несколько шагов, чтобы не мешать манипуляциям фельдшера.

– Как ни странно, да. Перед нами двузубая змея-пельтаст.

– И ты сделала это без электронного определителя? – Вот уже шесть лет Григорий не переставал восхищаться великолепными когнитивными способностями Афины.

– Как обычно. Но это ведь очень простая задача, Гришенька!

– Простая? Разве? Но ты ведь на архипелаге Буровского впервые! Что же тут простого?

– Удивительно, но это не местная змея. Ее родина – планета Йама в Конкордии. Пишут, там их очень много. До такой степени много, что их отлавливают в природе тысячами и готовят из их яда какое-то особенное клонское лекарство, использующееся для профилактики эпизоотий у крупного рогатого скота...

– Но что она делает здесь? Ведь Йама, насколько я понимаю, далековато отсюда?

– Наверное, клоны завезли, – пожала плечами Афина. – Они вообще большие любители таких фокусов... В одной книге по истории наук о жизни я читала, что когда в России и Европе впервые появились квадратные арбузы, многие люди были неподдельно возмущены. А покупатели не хотели эти квадратные арбузы брать. Несмотря на то, что вроде бы какая разница? Квадратный арбуз, треугольный или круг-

лый... Квадратные – так их даже транспортировать удобнее... Но спустя тридцать лет квадратные арбузы в России запретили «как оскорбляющие врожденное чувство эстетической целесообразности».

– Формулировка затейная.

– О, да! Так вот у клонов эта железа, которая вырабатывает врожденное чувство эстетической целесообразности, – она работает не так, как у землян. В Конкордии с квадратных арбузов все только начинается... Там учебник для младших школ «Родная природа» открывается объяснением, что такое гибрид, что такое метис, что такое клон... В общем, я это к тому веду, что клоны обожают завозить свою флору и фауну куда попало. Даже на планеты, которые им не принадлежат! Они от этого балдеют...

– Но все же название «змея-пельтаст» – оно явно какое-то неклонское...

– Ты прав, название наше. Вот эта штука у нее на черепе, нарост такой, по форме напоминает пельту.

– А что такое эта... пельта? – Григорий нахмурился.

– Стыд вам и позор, Григорий Иванович! Всю историю прогуляли! Все бы вам интегралы да алгебры...

– Позор, конечно. Но теперь у меня есть ты! А ты, насколько я тебя знаю, прогуливала совсем другие предметы! – Пользуясь тем, что на них наконец-то никто не смотрит, Григорий жадно чмокнул Афины в висок.

– Пельта, Гриша, – это такой древнегреческий щит.

Но их содержательный разговор о вооружении древнегреческой армии был прерван истошным криком рядового Белошапко.

– Нога отнялась! Ничего не чувствую! Помогите! – взвыл он, объятый животным ужасом.

К Афине подошел озадаченный фельдшер.

– Товарищ Железнова, прошу вашей помощи! Универсальный антидот не подействовал!

– Я всегда говорила, что не бывает ничего универсального! – жестко бросила Афина.

– Да я вроде как и не против! Но что делать, если у нас в комплекте только он? В общем, я предлагаю ампутацию – у него быстрый некроз тканей пострадавшей руки... Я бы даже сказал, стремительный некроз!

– Ампутацию? Да вы с ума сошли! Давайте подождем хоть полчаса! Если яд имеет такую специфику, что от него у парня отнялись ноги, то никакой ампутацией уже дела не поправить...

Словно бы в подтверждение мрачных прогнозов Афины рядовой Белошапко потерял сознание.

– Подождите-ка минутку, – сказала она. – Гриша, подай, пожалуйста, мой планшет.

Григорий послушно принес ей испрошенное, и Афина отважно бросилась в пучины Большой Медицинской Энциклопедии. Ее интересовало противоядие к яду змеи-пельтаста

(клонское название – «змея последнего поцелуя»).

Энциклопедия рекомендовала воспользоваться одним из трех препаратов фабричного производства с пятиэтажными фармацевтическими названиями.

Относительно любого из трех Афина была твердо уверена, что его нет ни в сумке фельдшера, ни во внушительной аптечке «Эйлера».

Но самый молодой в России доктор биологических наук не спешила сдаваться. Она запустила сложносочиненный запрос по фармакологическим и биохимическим базам данных.

Афину интересовало, нельзя ли выделить действующее вещество какого-нибудь антидота из того сырья, что имелось у них здесь, под рукой.

Удача улыбнулась ей. А может быть, это ангелы-хранители рядового Белошапко постарались на славу...

Так или иначе, вдруг выяснилось, что яд змеи-пелтаста может быть эффективно разрушен одной из денатурированных форм белка пилугина, который в избытке содержался в тканях летательного пузыря медузы-прыгуна. Той самой, что убила великого Франциска Штока.

– Вы куда, товарищ Афина?

– Объяснять некогда! Просто несите Белошапко к «Эйлеру»! Остальные продолжают сбор грибов. Встречаемся через двадцать минут у трапа звездолета, – сказала Афина на бегу и, обернувшись, добавила: – Гришенька, радость моя, ты мне

очень нужен. Я сейчас буду погружаться...

– Погружаться? Ты серьезно? – Григорий был до крайности удивлен. Но счел, что время для споров, как, впрочем, и для объяснений, самое неподходящее.

Медуза-прыгун, носитель ветвистых щупальцев и ценного белка пилюгина, была, в свою очередь, крайне необычным обитателем местного моря.

Она действительно умела прыгать. По крайней мере ей было по силам приподняться над морской поверхностью и проплыть по воздуху метров десять – двадцать!

Но вот ночевать на поверхности или в верхних слоях морской воды она в силу своей конституции не могла.

Медуза-прыгун всегда ложилась спать на глубинах свыше тридцати метров!

Притом ночевала она там не просто так, среди камней или в небольшой рифовой пещерке. Она засыпала, лишь забравшись в раковину, оставшуюся после гибели какого-нибудь крупного моллюска, – точно турист в спальный мешок!

(Кстати сказать, именно по этой причине профессор Шток поначалу планировал дать ей название «медуза-отшельник», чтобы подчеркнуть сходство повадок медузы с повадками земного рака. Но его пятилетняя внучка Тереза упростила назвать «эту зузу» прыгуном.)

А пока медуза-прыгун отлеживалась в чужой раковине, ее прозрачная, желеобразная тушка вырабатывала монооксид углерода, также известный как угарный газ, – который как

раз и служит источником ее легендарной прыгучести поутру, когда медуза поднимается из рифовой полутьмы на щедро залитую солнцем поверхность...

Афина поглядела на глубиномер. Минус десять метров.

Она зависла и внимательно осмотрелась по сторонам. Ни единой медузы вокруг. Стравила еще немного воздуха из компенсатора плавучести и опустилась ниже.

Хотя по их человеческим меркам еще длился день, по порядку рифовой живности уже начинался вечер.

Минус двадцать. На этой глубине было совсем сумеречно.

Афина включила мощный фонарик, пошла ниже.

Приборы показывали, что дно под ней находится на глубине тридцать пять метров. Это означало, что именно там, а не где-нибудь еще, должны привольно чувствовать себя медузы-прыгуны...

«Интересно, они перед тем, как лечь спать, зубы чистят?» – подумалось Афине.

Если бы рядом с ней был Григорий, она наверняка поделилась бы с ним этой остротой.

Но ее муж, увы, ненавидел погружения. «Весь небольшой запас отваги, отпущенный мне природой, истрачен мною на получение пилотского сертификата, а на подводное дело ничегошеньки не осталось», – отшучивался Григорий.

Наконец минус тридцать три.

Ноги Афины – обутые в черные неопреновые боты и ласты с блудливыми русалками – встали на морское дно, поднимая

клубы серого ила и колючего крупного песка.

Афина направила себе под ноги луч фонарика.

Где же они, эти раковины с медузами-прыгунами? Как их отличить от тех раковин, которые без прыгунов? Почему в энциклопедии об этом не написали?

Она искательно похлопала себя по кармашку жилета-компенсатора, где должна была лежать сетка для транспортировки улова. Слава Богу, та была на месте.

Мишка косолапый
По лесу бредет,
Шишки собирает,
Песенки поет.

Эта детская песенка неотвязно вертелась в мозгу у Афины, пока она парила над дном, осматривая раковины.

Ни одна из них не была похожа на фотографию-эталон. Какие-то мелкие, выкрошенные, явно необитаемые...

Но на пятой минуте поисков инопланетный Посейдон все же сжалился над Афиной и послал ей первую медузу-прыгуна! А потом и еще двух!

Тем временем на глубине стало совсем темно.

А когда Афина поднимала голову вверх, к поверхности воды, темно было уже и там. Ни бликов, ни теней далеких волн.

По-видимому, солнце уже зашло за верхушки деревьев.

«Три есть... Вот бы плюс к ним еще столько же – и мож-

но всплывать! Сколько там весит этот недокормленный Белошапка? Ну максимум килограммов семьдесят. Это значит, шести-семи медуз должно хватить...»

Казалось, до каждой новой находки успевает пройти целая вечность...

Между тем Афина адски замерзла. А еще у нее начала болеть голова. Вдобавок совершенно некстати хотелось в туалет! И пить! И вообще...

И лишь осознание того, что ее блуждания во тьме опасного инопланетного океана – последняя надежда умирающего от смертельного отравления солдата, придавало ей куражу.

Наконец некстати сел мощный фонарь.

В баллонах осталось всего пятьдесят бар воздуха.

На ощупь закинув в сетку последнюю раковину с медузой-прыгуном, Афина начала степенное всплытие...

Вслед за этим триумфом индивидуальной воли пришел черед триумфа отечественной медицинской техники.

Ловко орудуя препараторскими скальпелями, Афина отделила газовые мешки медузы от студенистого тела.

Между прочим, поскольку медузы-прыгуны являлись, строго говоря, не моносуществами, а колониями из нескольких специализированных особей, подобная операция не была для них смертельной. Газовые мешки обещали восстановиться через неделю-две.

«Возьму их с собой на Землю», – решила Афина, которой

была невыносима мысль о том, что она сознательно губит живое существо.

Афина поместила газовые мешки в приемник биоматериалов полевого многорежимного анализатора-дезинтегратора «Рязань-2». Набрала на панели управления слово «пилюгин» и нажала кнопку «пуск».

– Товарищ Афина! – Это был фельдшер Алексей Прохорович, лицо его, покрытое крупными каплями пота, имело самое отчаянное выражение. – Белошапко пришел в себя. У него галлюцинации... Он бредит... Агрессивный такой! На меня напал!

– Свяжите его и несите в медицинский бокс, – потребовала Афина. – Агрессивный – это хорошо... Агрессивный куда лучше, чем мертвый.

– Согласен, – фельдшер сделал важное лицо и ускакал.

К счастью для Белошапко, российская медтехника XXVII века справлялась со сложнейшими задачами аналитической химии и фармакопеи на оценку «отлично».

Уже спустя три минуты Афина извлекла из недр «Рязани-2» пробирку с мутной белесой жидкостью, относительно которой дезинтегратор был твердо уверен: это взвесь чистого пилюгина в дистиллированной воде.

Теперь оставалось смешать имеемое с десятипроцентным раствором глюкозы и ввести получившуюся панацею несчастному Белошапко.

– Т-тварь! К-козел! Ты как меня назвал? Больным? Да ты сам больной! И больным по жизни был! Я еще в учебке заметил! – лютовал крепко привязанный к манипуляционному топчану Белошапко.

Рядом с ним стояли фельдшер и рядовой Борзун, вольнодумный тихоня.

– Товарищ Афина, он меня не узнает, – пожаловался Борзун. – Уверен, что я какой-то Димас, это с его первого места службы...

– И меня не узнает! – добавил Алексей Прохорович. – Я же говорил, у него галлюцинации!

– Ничего, сейчас как рукой снимет, – сказала Афина, легонько подбивая иглу инъектора ногтем. – Подержите пораженную конечность, сделайте милость...

На место укуса было страшно смотреть. Две малиново-красных дыры. Вокруг синее всхолмье. По краям всхолмья – черный ободок.

Кожа Белошапко была равномерно покрыта неприятной серо-коричневой сыпью в виде папул. Папулы эти были расчесаны до крови всюду, куда несчастный мог дотянуться.

Ну а губы паренька были сухими и растрескавшимися – что поделаешь, высоченная температура...

Когда добытое с таким трудом лекарство перетекло из инъектора в горящее от жара тело Белошапко, Афина закрыла глаза и одними губами промолвила:

– Боже, сделай так, чтобы авторы Медицинской Энцикло-

педии не ошиблись с рецептурой...

После этого Афина, к удивлению фельдшера и Борзуна, быстрым шагом вышла из медицинского бокса.

«Куда это она побежала, бросив пациента? Разве ей не интересно, как подействует лекарство?» – читалось в их недоуменных взорах.

Афина побежала просто-напросто в свою каюту – после всплытия ей нужно было принять пресный душ и высушить волосы, ведь вода в местном море была исключительно соленой!

А когда пятнадцать минут спустя Афина, до скрипа чистая, наряженная в новый рабочий комбинезон, вновь заглянула в медицинский бокс, она обнаружила там... объятого любознательностью Григория, саперный взвод практически в полном составе и обоих офицеров из отдела «Периэксон». Все сгрудились вокруг горячего, розового, потного и по-детски счастливо улыбающегося рядового Белошапка.

Общество встретило Афину волной молчаливого мужского восхищения.

Глава 7

Дождь собирается

Май 2622 г.

Остров Среда, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

Когда будильник Афины прозвонил колоколами Спасо-Преображенского храма, что на Валааме, часы показывали два ночи по местному времени.

Афина, не открывая глаз, едва-едва подняла голову над надувной подушкой, высунула вслепую руку из спальника и потрясла за плечо мужа, который почивал рядом и даже пытался храпеть.

– Гриша... Кажется, уже... время, – простонала она.

– Да... Да... Сам знаю, – на автомате буркнул Григорий, не открывая глаз и фактически не приходя в сознание.

Они наверняка проспали бы все на свете – за экипажем «Эйлера» такие подвиги водились, – если бы с ними не было привыкших к дисциплине саперов.

Через несколько секунд пропел утренний горн – «подъем по лагерю».

В палатке разом включился весь свет. А еще музыка. И визор.

Рядовые повскакивали со своих спальных мест и броси-

лись занимать очередь в гигиенические службы.

Беготня казалась такой активной, смыслонаполненной и какой-то обязывающей, что Афина с Григорием просто были вынуждены проснуться и включиться во всеобщее роевание. И это оказалось – к вящему удивлению Афины – совсем нетрудно! Нетрудно было и спать вместе со всеми в лагере, на земле – Афина сама настояла на таком ночлеге, хотя «Эйлер» с его комфортной двуспальной кроватью был совсем рядом. Ей хотелось разрушить образ «скучающей богачки с причудами».

Афина потянулась. Присела. Встала.

Мышцы были деревянными. Тело требовало отдыха... Впрочем, чему удивляться?! Все они проспали едва четыре часа!

Перед мысленным взором Афины, сонно орудующей ультразвуковой зубной щеткой, встал вчерашний вечер.

Вот они располагаются в лагере на острове Среда, под боком у своего звездолета...

Вот они устраивают говорящие грибы в палатке, которую с легкой руки Гриши все стали называть «зоопарком»...

Затем состоялся ужин, за которым саперы оказались неожиданно говорливыми и приветливыми, а спасенный Белошапко, уже ходячий, тихий и в сознании, требовал себе горохового супа и круассан с шоколадом, испеченный электронным коком «Эйлера».

А потом они еще долго шептались с Григорием в его ка-

бинете на борту корабля, а потом Афина надиктовала и отложила до сеанса дальней связи поздравление с семидесятилетием для своей свекрови Эвелины Васильевны, заслуженного эпидемиолога России.

И лишь затем они, зевая на ходу, последовали в лагерь, в выделенный им старшим сержантом Липиным угол палатки, неся свернутые в рулон спальные мешки, чтобы познать это сладкое слово «отбой»...

– Дорогие друзья! – начала Афина, отставив в сторону чашку тоника собственного изготовления на основе живой спирулины, обогащенной маточным молочком пчел и сеноксом с планеты Екатерина. – Конечно, всем вам хочется знать, почему сегодня я подняла вас так рано... Дело в том, что мы отправляемся ловить аридотевтидов. Живут они на острове Понедельник. И, вообще говоря, это очень скрытные, очень хитрые существа...

«Скрытные» и «хитрые» – вот это было саперам по нраву! Лица слушателей озарились счастливыми зловещими улыбками.

– Ни один биолог не знает, как ловить аридотевтидов днем. Потому что дни они проводят, забившись в подводные берлоги для нескольких особей, которые отрыты в самых труднодоступных участках мангрового леса. В этом отношении они напоминают наших речных раков, живущих в норах. Но, учитывая размеры аридотевтидов, к ним в нору

совсем не хочется запускать руку!

Саперы понимающе закивали.

– А вот по ночам, – продолжала Афина, – эти существа становятся активны. Лазят по деревьям, охотятся, ищут себе пару для обзаведения потомством... Обычно, чтобы выследить ночью хотя бы одного такого мурзика, требуется просидеть в засаде несколько часов... Но нам с вами очень повезло. Сейчас сезон муссонов. И над архипелагом Буровского ночами идут так называемые огненные дожди...

– Я здесь, на Грозном, год назад под такой попал, – встал старший сержант Липин. – Ховайся в жито, как говорят у нас на Полтавщине.

– Так вот, огненные, они же золотые дожди, – отхлебнув из чашки, продолжала Афина. – Механизм образования этих дождей вкратце таков: стационарные тайфуны, которые на Грозном все лето кружат на пятьсот километров к югу от архипелага Буровского, поднимают в воздух миллионы тонн воды с поверхности океана. В это время там, в воде, как раз идет массовое размножение светящегося планктона. И этот планктон, представьте себе, потом выпадает с дождями! И не просто выпадает, а заставляет дождь сиять за счет биолюминесценции! Впрочем, скоро сами все увидите.

– Да уж, увидим, на улице всюю гремит, – проворчал Розалинов. Его лицо, опухшее со сна, показалось Афине особенно несимпатичным.

– Уважаемая наша Афина, – вдруг спросил Григорий, пре-

рвавший ради этого вопроса археологические раскопки в своем миндальном суфле, – а какова связь между этими красивыми огненными дождями и вашими... то есть нашими... тевтидами?

– Аридотевтидами, – уточнила Афина. – Связь самая непосредственная! Светящийся планктон для аридотевтидов как валерьянка для котов! Душу продадут за него! Когда начинается огненный дождь, они забрасывают все свои дела и собираются на окраинах джунглей, покрывающих остров Понедельник. Лиственный покров тесно растущих деревьев образует почти непроницаемую для дождя крышу. Поэтому основные массы воды низвергаются настоящими водопадами вдоль опушек. И именно эти водопады магнитом притягивают аридотевтидов. Там-то, близ опушки, мы и сядем в засаду.

– А они, эти ваши звери, что, под деревьями садятся с открытым ртом и ждут, пока им туда дождь накапает? Так, что ли? – спросил рядовой Мохович.

– Примерно так. Они пьют дождевую воду из рафлезиеобразных цветов. Их полно на опушках, и в каждый такой цветок может войти четыре ведра воды.

– Вы только не обижайтесь, товарищ Афина, – подал голос старший сержант Липин. – Но мы с ребятами так и не поняли, как выглядят эти ваши тевтиды.

– Аридотевтиды, – поправила Афина. – В переводе с греческого это означает «кальмары, живущие на суше». Вот, по-

глядите, – с этими словами она нажала на кнопку передвижного демонстратора.

Проектор высветил на стене палатки, ходящей на ветру туда-сюда, видеоролик. Некие целеустремленные многоногие существа, почти полностью сливающиеся по цвету с корой гигантских деревьев, карабкались вверх по стволам, да притом так шустро, что ни сосчитать их число, ни как следует разглядеть какие-либо подробности их облика было невозможно. От существ отчетливо веяло чем-то предельно чуждым человеку, чем-то экстремально инопланетным...

Некоторое время саперы наблюдали за происходящим на экране, приоткрыв от изумления рты. А потом рядовой Мохович спросил:

– Я чего-то не понял. Это обезьяны, что ли?

– Я один раз от нефиг делать смотрел чоругский спорт по визору, – вставил Белошапко. – Такое же ощущение примерно.

Афина улыбнулась и покачала головой.

– Это не обезьяны. Хотя образ жизни чем-то похож... Аридотевтиды – такие особенные высокоразвитые моллюски, отдаленно похожие на наших земных наутилусов. Миллионы лет назад подводные вулканы, на которых они жили, стали подниматься над поверхностью моря, и им пришлось эволюционировать... В итоге получилось то, что вы видите: нечто вроде небольшой обезьяны, у которой десять конечностей и туловище, частично прикрытое мягким хити-

новым панцирем. Аридотевтиды – холонокровные. Их кожа покрыта хроматофорными клетками. Проще говоря, они, как хамелеоны, сливаются с любой поверхностью. Ночью это особенно большая проблема. Их не видно ни тепловизионным, ни светоусилительным ноктовизором. Но, к счастью, техотдел Российской Академии Наук при помощи моего дорогого мужа, – Афина указала на Григория, который как-то очень по-девичьи зарделся, – разработал специально для таких случаев систему микроволновой локации «Полифем». Функционально это тот же ноктовизор, но небольшого радиуса действия...

– Так у нас у всех, что ли, по такому будет? Или только у вас, товарищ Афина? – спросил рядовой Гресь.

– Мы раздадим вам все четыре комплекта, которые имеются на борту «Эйлера». Остальным придется довольствоваться обычными ноктовизорами, которые, насколько я знаю, имеются в комплекте вашей экипировки.

– У нас еще сети есть... Может, пригодятся? – поинтересовался старший сержант Липин.

– Пригодятся. Но только для того, чтобы дотащить парализованных аридотевтидов до «Каймана». А вот для ловли таких существ они совершенно бесполезны...

– Вы сказали «парализованных»? А чем парализовать-то будем? – Это был Розалинов.

– Электропулями. Это тоже наша новейшая рановская разработка, – пояснила Афина. – Поскольку аридотевтиды

холоднокровные, притом с очень особенным обменом веществ, ввести их в состояние временного паралича можно, только вырубив большую часть их нервных узлов. С этим прекрасно справляются именно электропули.

– А к электропулям прилагаются электроружья?

– Они унифицированы по патрону с обычными армейскими боеприпасами. Скажем, ими можно стрелять из вашего автомата «Алтай», надо только выставить наименьший импульс бинарной смеси...

– Но обычные-то магазины мы тоже с собой берем? – не то спрашивая, не то утверждая, сказал старший сержант Липин.

– Как вам будет угодно. Насколько мне известно, никаких опасных для человека хищников на архипелаге не водится...

Глава 8

Привет, тевтид

Май 2622 г.

*Остров Понедельник, архипелаг Буровского
Планета Грозный, система Секунда*

Джунгли острова Понедельник потрясали воображение.

Стометровые гиганты, покрытые кожистой черной листвой, сросшейся в одну сплошную, тревожно дрожащую на ветру массу...

Ядовито-желтые стволы, изрытые дуплами и оплетенные тугими канатами обильно цветущих лиан...

Безжизненная, лишенная даже намек на подлесок, красноватая земля под деревьями.

И звуки. Мириады звуков – хохот, уханье, мяуканье, жалобные стоны.

Амфибия притаилась на берегу, а отряд, во главе которого шли старший сержант Липин, Розалинов и Афина, углубился в напрочь лишенный тропинок лес.

К счастью, Афина располагала подробнейшей спутниковой картой, полученной от Александры еще в самом начале их зоологической авантюры. А потому она без труда вывела отряд кратчайшим маршрутом к поляне около двухсот метров в поперечнике.

– Интересно, а почему джунгли, обычно такие алчные и всеядные, не захватили и это место тоже? – спросил старший сержант Липин, продемонстрировав любознательность подлинного ученого.

– Наверное, здесь близко к поверхности подходят горячие источники. Корни больших деревьев такой температуры не любят, – пожал плечами Афина.

Ей самой это объяснение не нравилось – в нем было слишком много неясных нюансов. Но другого у нее не было, не было и времени разбираться. А оставлять вопросы без ответов ей не позволяла благоприобретенная спесь преуспевающей и всезнающей ученой дамы.

Огненный дождь уже всюду лился над их родным островом Среда. Но до Понедельника грозовой фронт еще не дошел.

Поэтому в окрестностях не было пока и намека на аридотевтидов.

Благодаря этой природной задержке, отряд получил время как следует замаскироваться.

Ушлый Розалинов достал откуда-то гигантский мачете и, бормоча под нос что-то про срочную службу на Мадагаскаре, в два счета срубил сносный шалашик.

– Милости прошу к нашему шалашу, – льстиво улыбнувшись, сказал он Афине.

– Мерси... – улыбнулась Афина, но внутрь не полезла, надо было поглядеть, как устроились саперы.

Саперы устроились отлично – четыре шалаша, один другого умильтельней, хоть на обложку журнала «Охота» их фотографируй, притаились на ближнем пригорке. Впрочем, чему удивляться, ведь эти ребята провели в джунглях планеты Грозный четыре долбанных месяца. И при этом вели, между прочим, почти непрерывные бои с превосходящими силами клонов!

Наконец полило. Вначале робко, затем все более настойчиво и хищно.

Струи дождя, цветом походившие скорее не на жидкий огонь, а на расплавленное золото вперемежку с черненым серебром, устремились к земле, словно бы поставив себе целью всю ее как следует отмыть...

Шалашик, выстроенный Розалиновым, моментально дал течь. Но, поскольку все присутствующие были во всепогодных комбинезонах, какого-то особенного дискомфорта это не доставило.

У Афины не было возможности любоваться уникальным природным явлением, описанным в тысяче популярных книг. Она во все глаза таращилась в глубь джунглей сквозь очки синтезированной реальности, на которых микшировались сигналы от стандартного ноктовизора и устройства «Полифем».

То же делали и прочие счастливцы, которым достались «Полифемы».

– О! Вижу! Скачут наши клиенты! – пробасил в рацию рядовой Павлов.

– Азимут дай! – потребовал Розалинов.

– Виноват, товарищ командир... Азимут восемьдесят. Нет, уже девяносто...

Афина в азимутах не понимала.

– Это где? – шепотом спросила она у Розалинова.

– Вон там, – пальцем указал он. – На средних ярусах ветвей.

В общем, Афина увидела аридотевтидов едва ли не последней.

Большая стая, особой сорок, бесшумно неслась сквозь ночной лес, по-мартышечьи резво перепрыгивая с лианы на лиану.

– Не стрелять пока... Будем ждать, когда они остановятся, – потребовала Афина.

Она тоже была вооружена, хотя на воздухе стреляла из рук вон плохо (иное дело – под водой!).

Стая аридотевтидов прошелестела прямо над их головами и озабоченной гурьбой просыпалась с пятнадцатиметровой высоты напрямиком на громадные, пружинистые листья растения, похожего на непомерно разъевшийся лопух.

Туда же с края лесного полога уже неслись переливающиеся, сияющие, сверкающие водопады и водопадики – это они только что были огненным дождем.

Аридотевтиды дружно присели и застыли в неподвижно-

сти. В СИР-очках это выглядело забавно: точно злой волшебник вдруг превратил макак в дизайнерские табуретки.

Твари обратили к струям дождя свои дюжие глотки, разлинованные неким подобием китового уса. Утробно урча, аридотевтиды принялись фильтровать воду и жадно заглатывать свой излюбленный планктон. Время от времени они сплевывали отработанную воду через три жаберные щели на своих загривках.

– Похоже на сцену из так называемого триллера – нравоучительной трагикомедии для подростков из незащищенных социальных слоев Атлантической Директории, – хмыкнул Григорий, ненадолго приложившись к СИР-очкам супруги.

Следует отметить, он меньше всех интересовался этой охотой. Афина чувствовала, что ее обожаемому мужу сильно не по себе. Что было тому виной – усталость, недосыпание или сами аридотевтиды, бесконечно далекие от определения «милашки», у нее не было времени уточнять. Надо было командовать парадом...

Афина прицелилась в самого крупного аридотевтида и выдохнула в рацию:

– Охота открыта! Стреляйте!

С этими словами она нажала на спусковой крючок.

Тут же к ней присоединились восемь армейских «Алтаев» с приборами бесшумной и беспламенной стрельбы.

Однако, несмотря на внушительную плотность огня и вро-

де бы благоприятную позицию, результаты охоты были весьма скромными.

Когда стая сообразила, что творится неладное, и организовано дала деру, «Полифемы» показали наличие только трех парализованных тушек.

– Ну что ж... Трое – лучше, чем ни одного! – попытался подбодрить расстроенную Афины натренированный оптимист Розалинов.

– Да, но вся троица – самцы! А скоро рассвет! Когда взойдет солнце, мы не сможем и детеныша подстрелить!

– Тут что-то не так... – задумчиво промолвил старший сержант Липин. – Ведь очки четко показывали попадания пуль в этих тварей!

– Я тоже видела!

Вновь вступил Розалинов:

– Такое впечатление, что ваши электропули не срабатывают... Взрыватели слишком грубые.

– Так у нас же минималка по жидкому пороху выставлена, как товарищ Афина рекомендовала! – догадался Липин. – Я бы лично усилил импульс пули. Тогда взрыватели будут лучше срабатывать! Где тут еще можно в маргышек этих пострелять?

– Где-где... У озера, наверное... – начала Афина рассеянно, но тут же приободрилась: – Точно! У озера! Немедленно бежим туда, пока дождь не кончился!

И, бросив нещадно размокший, обнаживший ребра вет-

вей шалашный городок, отряд бегом понесся к безымянному озерцу, взятому в каре деревьев-гигантов.

Глава 9

Подвиг капитана Розалинова

Май 2622 г.

Остров Понедельник, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

Ливень, вдруг потерявший свою золотую мощь, угомонился было, но спустя несколько минут полил вновь – с учетверенной, дурной силой.

К счастью, это случилось уже после того, как отряд расредоточился на новой позиции вдоль берега озера.

Как и предрекала Афина, аридотевтиды не заставили себя долго ждать.

Они всей стаей высыпали на устланный илом, заваленный буреломом берег. И, вновь превратившись в «дизайнерские табуретки», принялись поглощать светящийся питательный коктейль.

– Я тоже этот ихний дождь попробовал. Словно тараканов живыми ешь... Дрянь ужасная, – поделился опытом рядовой Борзун.

– А ты думал, – пожал плечами его товарищ, рядовой Матюшенко. – Тяжела и неказиста жизнь а-ри-до-тев-ти-дис-та.

– Р-разговорчики! – одернул их по рации старший сержант Липин. – Выставить мощность жидкого пороха на сред-

ний заряд! Стрелять по команде товарища Афины.

Афина бросила на Григория взгляд, исполненный душевной муки – снова она должна кем-то командовать! Но с другой стороны, если командовать будет Липин, аридотевтиды разбегутся быстрее, чем удастся в кого-нибудь попасть...

– Можно стрелять! – помедлив, разрешила она.

Десятки электрических пуль устремились к своей добыче сквозь золотистые струи ливня.

Теперь они летели в полтора раза быстрее. Ударяясь о панцири аридотевтидов, пули не уходили на рикошет, ведь их взрыватели успевали благополучно разбить капсулу конденсатора. Дремлющая в пулях древняя, как само мироздание, сила электронов неумолимо пробуждалась и обрушивалась на нервную систему жертв...

Парализованные аридотевтиды валились наземь беззвучно.

Но были и такие, которые поймали пулю в мягкие ткани конечностей, из-за чего не получили парализующего удара электрическим током. Но ведь ранение-то все равно выходило нешуточным! И подранки наполнили лес тревожным, гнусным верещанием.

Один калека, оставляя след из ярких лазурных пятен крови, бросился наутек. Бросился, не разбирая дороги.

Он шустро проскакал по притопленному бурелому почти до середины озерца.

Как вдруг... исчез!

Афине, которая внимательно следила за этим досадным побегом, показалось, что там, где исчез аридотевтид, в толще воды ненадолго вспыхнули три тусклых огонька...

– Знаешь, я тут посчитал, – отвлек ее Григорий. – Уже особой пятнадцать уложили... Думаю, можно закругляться.

– Пятнадцать? Ничего себе! – удивилась Афина. И сказала в рацию: – Всем прекратить стрельбу!

Впрочем, стрелять было уже, считай, не в кого – остатки стаи стремительно разбегались. Теперь верещание раненых аридотевтидов доносилось уже из глубин леса.

Афина покинула укрытие и отправилась проинспектировать добычу. За ней с подневольным видом потащились Розалинов и Григорий.

Идти приходилось по колено в воде. Однако все трое двигались как могли быстро – было самое время закругляться.

Стоило им дойти до ближайшего аридотевтида, лежащего в чаше огромного цветка близ берега озера, как ливень вновь прекратился. Тут же, как будто дело было на какой-нибудь балетной сцене, поднялся густой белый пар. Ну чем не «Лебединое озеро»?!

На охоту вылетели тысячекрылые стаи летучих мышей со злобными тупоносими рылами. К счастью, мышам было плевать и на людей, и на их добычу.

– Здоровенный какой, – пробормотал Розалинов, склоняясь над поверженным аридотевтидом. – Одно щупальце еще

шевелится...

– Да, великолепный экземпляр! – восторженно воскликнула Афина. – Поглядите, какая развитая мантия! А как вам эти ожерелья паразитарных баянусов?!

– Под «баянусами» ты подразумеваешь эти бугорки? – вяло осведомился Григорий и некстати зевнул.

– Совершенно верно! Это вроде наших вшей – паразиты. Только – ракообразные.

– А сами вши разве не ракообразные? – невыспавшийся Григорий поглядел на жену с неизбывной тоскою.

– Нет. И не думаю, что, будь они ракообразными, люди ценили бы их выше...

Розалинов, которому дискуссия о паразитах была противна и скучна, отошел от беседующих шагов на пять.

Он напряженно всматривался в кисею тумана, разрываемую пикирующими с высоты насекомоядными. В конце концов он пытался разглядеть хотя бы одного подчиненного!

Но те словно сквозь землю провалились. А в радиии шумела какая-то помеха, похожая на зловещий шепот...

– Кстати, товарищ Афина, а как называется это озеро? – спросил Розалинов, повернувшись к супружеской паре ученых.

– Кажется, оно безымянное.

– Непорядочек! Это ведь какая-никакая, но достопримечательность! Если верить нашим армейским картам, озеро

сообщается с океаном по подземному тоннелю... На Земле такое обязательно называлось бы «Тоннелем Призраков» или «Голубой Дырой». Ходили бы легенды про то, как...

Розалинов осекся на полуслове. За плечом Афины колыхались на длинных змеистых стебельках три тускло светящихся шара.

Афина стояла к озеру спиной. Поэтому видеть их не могла.

Будучи опытным офицером, Розалинов, не трата лишних слов, выхватил из кобуры автоматический пистолет ТШ-ОН и передернул затвор.

– Что вы делаете?! – взвизгнула Афина.

– Падайте! – выкрикнул Розалинов. – На землю!

Но Афина и не думала слушаться. К счастью, у нее был Григорий. Он бросился на землю сам и увлек за собой супругу...

Когда ученые открыли директрису огня, Розалинов нажал на спусковой крючок, притом сделал это быстрее, чем его мозг успел обработать увиденное.

К сожалению, его пули не убили монстра наповал, но лишь раззадорили его. Полутонная туша рифового броненосца метнулась к стрелявшему.

Пришелец из глубин с легкостью молодой голодной твари перемахнул через пару лежащих ученых и сразу сократил расстояние до Розалинова втрое.

– Стреляйте в него! – заорал офицер, обращаясь одновре-

менно ко всем, кто мог его слышать.

Сам он лихорадочно менял магазин своего пистолета.

Григорию достало самообладания, и он всадил в широкую спину броненосца десяток пуль.

Увы, это были всего лишь электропули. А броненосец звался броненосцем отнюдь не за нежность своей кожи!

Из тумана в монстра стреляли теперь еще трое. Но тоже, к сожалению, в спешке били не теми боеприпасами, к которым зывал кошмар ситуации.

В этот момент броненосец развернулся и вперил свой по-тусторонний, как сама палеонтология, взгляд в остолбеневшую Афины.

– Да это же... рифовый броненосец! – ахнула она. – Неве-
роятно! Откуда он вообще здесь?!! Он вымер миллион лет
назад!!!

– Видать, воскрес, с-скотина... – прошипел Григорий.

Испуская невыносимый смрад, броненосец шагнул к ним.

Он вдруг оказался так близко, что Афина, обмирая от ужаса (она вдруг осознала, что эта палеонтологическая ди-
ковина всерьез намерена ею отужинать!), ударила тварь по
голове винтовкой, перехватив оружие за ствол.

Броненосец с легкостью раскусил приклад и, резко мотнув
головой, выдернул оружие из рук Афины. Он был молод и
весел. Все происходящее было ему в диковинку!

Хотя в глазах броненосца и не отражались его намерения,
Афине вдруг стало ясно, что желание монстра играть в игры

тает с каждой миллисекундой...

И в тот миг, когда метровые челюсти прожорливой земноводной рыбы были готовы сомкнуться на плече Афины, капитан Розалинов совершил подвиг.

Его стремительный силуэт метнулся к Афине. Очередь из «Тульского Шандыбина» вспорола рифовому броненосцу бок. Раненый монстр утробно завыл.

Затем вдруг смолк. Подался вперед... Молча вцепился в лодыжку Розалинова и бросился вместе с офицером в родную для себя стихию!

От шока Розалинов выронил пистолет.

В следующий миг стылые воды озера с роковым плеском сомкнулись над его головой.

В воде броненосец оказался куда более проворным, нежели на суше.

Не выпуская добычу, он понесся отвесно вниз, к подземному тоннелю, ведущему в океан.

Когда глаза Розалинова перестали различать свет, задержавшему дыхание офицеру было дано прозрение: на глубине его затащат в какую-нибудь уютную пещеру и начнут есть, есть прямо так, живьем...

Выбора у капитана не было.

Он ошупью сорвал с пояса гранату.

И, мысленно испросив прощения у матери Ксении Терентьевны, коротавшей век в деревне под Екатеринбургом, вырвал чеку.

Прогремел взрыв, стоивший жизни и Розалинову, и похитившей его реликтовой твари.

Глава 10

Саперы улетают

Май 2622 г.

Остров Понедельник, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

Подбежавшие саперы окружили место побоища полукольцом – некоторые из них видели вспышку в глубине озера.

– Там граната взорвалась, – авторитетно заметил рядовой Мохович.

– С чего ты взял, что граната? – спросил его товарищ, рядовой Борзун.

– Да мы с братом после школы браконьерствовали помаленьку... Дело было в Тремезианском поясе, деликатесных акул глушили... Хорошо себе представляю, как это выглядеть должно.

Афина была мрачнее тучи.

И хотя она до последнего сохраняла надежду, что вот-вот «держиморда» Розалинов выплывет, живой и невредимый, когда старший сержант Липин дал указание собирать добытых аридотевтидов и быстро отходить к амфибии, Афина не возражала...

Тем временем на востоке занимался долгожданный рас-

свет.

Когда стало совсем светло и зловещая чащоба превратилась в необычайно приветливый и яркий тропический лес, похожий на джунгли из туристических проспектов, отряд начал поиски тела Розалинова.

Вооружены были до зубов.

Все, включая Афины с Григорием, имели при себе автомат «Алтай», снаряженный через одну бронебойными и разрывными пулями.

Старший сержант Липин снял с «Каймана» один из двух пулеметов. А молодой, нескладный лейтенант Артем Засядько достал из водительского НЗ набор фальшфейеров и сигнальную ракетницу.

Они вышли к озеру и разделились на две группы.

Одна отправилась по берегу налево, другая – направо.

Афина мрачно размышляла над тем, что если тело Розалинова по каким-то причинам ушло на дно озера, ей самолично придется погружаться туда, возможно, даже несколько раз – этого потребует от нее гражданский долг. А в том, что погружаться придется именно ей, сомнений не было – среди находящихся на архипелаге Буровского мужчин водолазная подготовка была только у покойника Розалинова...

– Т-товарищ Афина... С-скажите мне как к-командиру, – вполголоса попросил Засядько, необычайно, в своей манере,

волнуясь. – Как получилось, что эта т-тварь... Ну... Вы же говорили, на островах нет хищников?

– Товарища Розалинова убил рифовый броненосец. Это – вымершее животное. Его здесь не должно быть. Откуда оно взялось – я не знаю, – голосом робота, у которого разрядились аккумуляторы, произнесла Афина.

– В-вымершее? – Засядько гневно сверкнул своими серыми глазами.

– Вымершее, – кивнула Афина. – Как динозавры... Или птеранодоны.

– Н-не верю, – категорично заявил Засядько. – Не верю! Афина посмотрела на мужа, ища поддержки. Григорий пожал плечами. Мол, не верит человек, что тут сделаешь?

Афина думала было рассердиться на мужа, когда в голову ей пришла идея. Она полезла в свой нагрудный карман, извлекла из него планшет, покорябала по его экрану измазанным в тине указательным пальцем и, удовлетворенно кивнув, протянула планшет Засядько.

– Мне вы можете не верить. Но вот Большой Российской Биологической Энциклопедии должны.

Засядько остановился. Начал читать. Щеки его возмущенно порозовели.

– Д-да, они здесь пишут, что б-броненосцев больше н-нет. Но это ведь чушь! Я лично видел! – Засядько почти кричал.

Афина окинула его сутулую фигуру взглядом, исполненным неумелой сестринской нежности. Какой же он, в сущно-

сти, сам беззащитный, этот защитник-офицер! Как ребенок, пытается агрессией заглушить мучительную боль от потери товарища...

– Я рифового броненосца тоже лично видела. Как и многие в нашей группе. И вместе с тем я со студенческой скамьи знаю, что никаких рифовых броненосцев уже несколько миллионов лет не существует! Вот такой парадокс.

– А п-по-моему, это никакой не п-парадокс, а вредительство! – возмутился Засядько.

Афина благоразумно промолчала. Она заметила, ее ответы лишь подливают масла в огонь всеобщего стресса. «Так, глядишь, он еще и разрыдается тут».

– Мы нашли! – Рация донесла до Афины голос старшего сержанта Липина. – Поиски объявляю завершенными.

– Вас поняли. Идем к вам.

Тело нашли так быстро, что обе группы не успели разойтись даже на расстояние, потребное для потери визуального контакта...

Подводный взрыв гранаты оторвал Розалинову руку по локоть. Один из осколков пробил его большую голову. Но в целом сохранность тела была хорошей – разумеется, для человека, подорвавшегося на наступательной гранате НГ-8...

– Царствие небесное, вечный покой, – пробормотал взводный фельдшер Алексей Прохорович и с чувством, обстоятельно перекрестился.

Ему вторили другие саперы.

– Он... Он б-был... лучшим в нашем отделе, – всхлипнул Засядько.

Афина вновь промолчала.

Что она могла сказать? Что поначалу, да и потом, Розалинов совершенно не произвел на нее какого-то особенно хорошего впечатления? Ну, обычный офицер из органов – с плосковатым юморком, казенной бодростью и своим, зачастую неуместным пониманием всякой проблемы? Что он был ей антипатичен? И что, по злой иронии судьбы, именно этот человек спас ей жизнь? Но Афина знала: такие вещи над неостывшим телом говорить нельзя. Из них нужно делать выводы, а сделав их – жить, с ними ежечасно сверяясь...

Григорий тоже молчал с самым отсутствующим видом.

Афина не первый год знала Григория и по квазитомному прищуру его век догадалась: сейчас ее любимый далеко, в пространствах идеальных плоскостей, размерностей, пересечений, завихрений и расслоений...

Руку Розалинова было решено не искать. Тело положили в непроницаемый для воздуха и воды пакет, а затем перевалили на складные носилки.

Обремененный скорбной ношей отряд отправился в обратную дорогу – к амфибии.

Морской переход с острова Понедельник на остров Среда показался и Афине, и Григорию бесконечным...

Стоило амфибии обогнуть мыс и войти в лагуну остро-

ва Среда, как Афина увидела вместительный военфлотский «Кирасир» на пляже в сотне метров от «Эйлера».

Когда они взобрались на берег, из «Кирасира» широким шагом вышел командир экипажа. Его встретил Засядько, который после гибели Розалинова стал как будто на голову выше ростом.

Не соблюдая уставных формальностей, командир «Кирасира» сказал:

– Доброе утро! У меня приказ доставить саперный взвод с техникой в Новогеоргиевск.

– А что с животными делать? – спросил Засядько.

– Да мне все равно, не до животных сейчас... Грузите кого хотите, лишь бы по потолку не скакали.

После короткого совещания с Афиной решили – большинство аридотевтидов оставить прямо в амфибии, чтобы меньше кантовать. Однако шесть экземпляров из шестнадцати Афина затребовала себе лично.

– Хочу заняться ими сразу по прилете на Хабаровскую биостанцию, – прокомментировала она.

Что касалось палочников Штока, говорящих грибов и медуз-прыгунов, которые дожидались в лагере, то их тоже было решено отправить на орбиту «Кирасиром».

– А кто лагерь будет сворачивать? – спросила Афина.

Неожиданно вмешался командир «Кирасира».

– Лагерь бросаем. Времени нет. Меня уже в двух других местах ждут...

Само собой, после такого заявления прощание вышло недолгим, если не сказать скомканным.

Афина пожалала руки всем саперам до единого – они больше не были для нее «просто саперами». Теперь она знала каждого по фамилии. Это красавчик Липин, представитель столь любимого на Руси «есенинского типа», это качок Павлов, это балагур Мохович с рукопожатием ребенка, это, с черным кудрявым чубом, Борзун, известный паникер, а это незаметный обычно страдалец Белошапко... А это Матюшенко с Гресем, неразлучные друзья...

То же сделал и Григорий.

С Засядько она попрощалась последним. Рука у молодого офицера была все такой же влажной и костлявой. Некомандирской рукой.

– А вы что же? С-разу за нами на орбиту? – спросил Засядько у Афины.

– Разумеется! – поспешил заверить его Григорий. Однако неожиданно натолкнулся на решительный отпор со стороны супруги.

– Нет-нет-нет! Никаких «разу»! У нас есть еще десять часов, которые я намерена потратить с пользой для российской науки. И не смотри на меня так, Гришенька! Не смотри! Я просто обязана поймать несколько экземпляров перевязанного парусника для лепидоптерария профессора Христианского, моего дорогого научного руководителя... Иначе он не поймет! Проклянет меня, ну, буквально!

– Ну разве если ради Христианского... – проворчал озадаченный новостью Григорий.

Он обязательно поспорил бы с женой. Если бы не был уверен: спорить с ней абсолютно бесполезно.

Когда «Кирасир» эффектно стартовал с пляжа да прямо в космос, Григорий все же обратился к Афине, которая подозрительно активно рылась в рундуке с водолазным снаряжением.

– А зачем профессору Христианскому твои... мнэ-э...

– Перевязанные парусники?

– Ага.

– Да они ему даром не нужны, – отмахнулась Афина.

– А почему же мы тогда... не летим? На орбиту?

– Потому что мне нужно кое-что проверить.

По-девичьи звонкий голос Афины, в котором страх, уклончивость и елейная ласковость перемешивались в равных пропорциях, Григорию совсем-совсем не понравился.

– Что именно «проверить»?

– Да броненосца.

До Григория вдруг, что называется, дошло.

– Ты? Собираешься? Погрузиться?! В это?! Озеро?! – взревел он рассерженным бизоном.

– Я – да. Собираюсь. Погрузиться, – промолвила Афина, пряча глаза.

– Да мы туда только что с пулеметом ходили! И то все

тряслись! Я когда возле этой дыры стоял, чтобы как-то в рамках держаться, перепроверял гипотезу Шервинского-Вана для косоугольных многообразий! Это я делал, чтобы от страха не заорать! И ты хочешь сказать, что теперь я должен буду стоять на том же месте?! Но уже без пулемета?!

– Ну да... Перепроверишь гипотезу Шервинского-Вана еще раз... Теперь для прямоугольных многообразий, – с невинным видом произнесла Афина.

– Не существует никаких прямоугольных многообразий! Их нету!

– Тогда проверишь таблицу умножения, – пожала она плечами, давая понять, что разговор окончен. Повисла тяжелая пауза.

– Тогда я подаю на развод, – твердо сказал Григорий. – Терпеть такое – выше моих сил.

Несколько секунд Афина осмысляла услышанное.

– Ты? На... на развод?

Однако Григорий не обернулся. И не ответил. И лишь звук стремительно сошедшихся за его спиной дверей был Афине ответом.

Афина бросилась следом.

– Ну Гриша!.. Ну подумайся!.. Это же не просто моя блажь... Это – революция в современной зоологии, а заодно и палеонтологии... Представь себе, если мне удастся рифового броненосца... Я даже не говорю «поймать»... Просто заснять! Это же сенсация!

Однако Григорий не обернулся.

– Гришенька! Ну войди в мое положение! Сотни зоологов, сотни биологов не задумываясь отдали бы жизнь за одну возможность посмотреть на живого рифового броненосца... В природной среде...

Григорий даже бровью не повел.

– Ну милый... Ну пойми же меня, – Афина уцепилась за рукав его комбинезона.

Только в эту минуту она заметила, что по гладко выбритым скулам ее мужа быстро катятся две слезинки. До этого она ни разу не видела его слез.

Вдруг Афине стало мучительно стыдно.

Это какой же жгучей, раскаляющей душу должна быть боль, чтобы взор Григория Болотова, спокойного, как удав, и рассудительного, как собрание сочинений Аристотеля, затуманился слезой. И эту боль причинил ему не какой-нибудь рифовый броненосец. А тварь куда более жестокая и эгоистичная, самка хомо сапиенса. Она, Афина Железнова.

– Гришенька, ты прав... Не знаю, что на меня нашло... Конечно, я не буду погружаться... Извини меня, пожалуйста, – покаянным шепотом сказала она и обвила его шею своими руками.

И хотя Григорий стоял истуканом, не произнося ни звука и не двигаясь, несмотря на то, что в его лице не дрогнул ни один мускул, Афина знала: он отгадет. Пусть и не скоро, но он простит ее – это наверняка. Ведь она все поняла, и никогда

больше, никогда...

Глава 11

Синие елочные игрушки

Май 2622 г.

Остров Среда, архипелаг Буровского

Планета Грозный, система Секунда

Ссора закончилась нежным примирением, и Афина, не стирая с алых губ улыбку, побрела на камбуз хлопотать по поводу обеда.

В отличие от своего любимого, трапезничавшего, так сказать, налетами, она привыкла завтракать, обедать и ужинать в строго определенное время.

Даже получасовая задержка выводила ее из душевного равновесия. И лишь чрезвычайные обстоятельства могли заставить ее отложить ужин на час!

Афина поглядела на часы. Половина пятого вечера. А ведь обед у них – в шестнадцать тридцать! Ну, максимум, в шестнадцать тридцать пять!

В составленном еще неделю назад меню на текущий день значились: суп-пюре из белых трюфелей и зеленой бретонской спаржи со сливками и укропом, креветки, обжаренные в горчичном масле с гарниром из дикого риса, и кисель из золотистого киви.

Все три блюда Афина обожала. Она с ласковым нетерпе-

нием нажала на сенсоры панели электронного кока. Подтвердить, еще как подтвердить! И побыстрее...

Через пятнадцать минут поднос с блюдами, каждое из которых было накрыто элегантным посеребренным колпаком, уже клубился ароматами.

Этот поднос Афина должна была теперь водрузить на тележку, а тележку – выкатить на улицу. Григорий ценил обеда на свежем воздухе!

– Трюфельный суп! Прошу любить и жаловать, – проворковала Афина.

Однако Григорий вместо того, чтобы нетерпеливо ерзать в своем кресле, пробуя ноздрями предобеденный воздух, стоял в десяти метрах от стола и... всматривался куда-то вдаль, приложив руку ко лбу на манер козырька.

– Гришенька, ау!

– Да погоди... Там что-то летает.

– Что?

– Да вот не могу понять... Наверное, наши флуггеры. Или какие-нибудь птеродактили зеленые, крылатые друзья рифовых броненосцев!

– Тогда уж птеранодоны, – уточнила Афина.

– Да-да... доны.

Птеранодоны, хм... Афина пригляделась.

Над растушеванным дымкой силуэтом острова Воскресенье и в самом деле что-то резво носилось.

«Какая-то пара... Нет, тройка... Нет, их вроде четверо...

Или пятеро?» – Афина по-гусиному вытянула шею, будто это могло помочь ей разглядеть происходящее получше.

– Похожи на исполинских грифов, – задумчиво изрекла она. – Но до их ближайшего гнездовья отсюда сто сорок пять парсеков... Хотя... После реликтового рифового броненосца почему бы и нет? Ладно, давай есть, пока все не остыло. Я потом схожу за биноклем...

Крем-суп из трюфелей и спаржи впечатлял.

Конечно, в ресторанах российской столицы, вот уж десять веков как склонной изысканно и неутомимо объедаться, его готовили более нежным и наваристым. Но разве можно требовать совершенства от электронного кока?

Облизывая столовую ложку, Григорий улыбнулся своим, таким мирным, мыслям.

Электронный кок «Эйлера» стоил ему целого состояния. (Может, и не состояния, но двухкомнатную квартиру на окраине провинциального города молодая семья купить себе на эти средства очень даже могла бы!) Но, черт возьми, зато теперь каждый их с Афиной полевой завтрак превращался в пир гурманов! Не то что раньше – омлет да консервы...

Теперь настал черед креветок.

Григорий нанизал на вилку фламингово-розовую скрюченную тушку, обмакнул ее в соус и неспешно поднес ко рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.